

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5
(163)
Май 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «СИНИЙ ПЛАТОЧЕК» ЛЕЙТЕНАНТА МАКСИМОВА
ЮРИЙ КРУЖНОВ, ЕЛЕНА ПЕТРОВА
- 11 ГРУЗИНСКИЙ КОМАНДИР ЛЕГЕНДАРНЫХ «КАТЮШ»
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 15 «ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ ШИНЕЛИ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 31 СЧАСТЬЕ НА ЛАДОНИ
НИНА ШАДУРИ
- 34 ПОЗДРАВЛЕНИЯ
- 36 ШИФР КАРДИОГРАММЫ ВЫСОКОГО ТВОРЧЕСТВА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 42 СТИХОТВОРЕНИЯ
ГЕОРГИЙ ЧКОНИЯ
- 44 СОХРАНИТЬ ДОВЕРИЕ К ВЗРОСЛОМУ...
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 48 ДЖИНСЫ ОТ АБРАМА
ТАМЕРЛАН ТАДТАЕВ
- 52 ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ЛЮБИТ РУССКИЙ ЯЗЫК
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 54 НОДАР МГАЛОБЛИШВИЛИ
ЛАНА ГАРОН

На обложке – **МЕМОРИАЛ ВОИНАМ СИГНАХСКОГО РАЙОНА, ПАВШИМ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Фото: Александра Сватикова

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА?

Этот вопрос уже много столетий волнует многих. Действительно, с точки зрения логики и оптимальности, это очевидно — оправдывает, но с точки зрения гуманности и человеколюбия — это ужасно. Автор этой бесстыдной сентенции (хотя ее сформулировали за века до его рождения) — знаменитый флорентиец Никколо Макиавелли. Он прослыл циничным и беспринципным политиком и, говоря современным языком, «политтехнологом». Но в историю Макиавелли вошел как блестящий мыслитель и писатель эпохи Возрождения, а его фундаментальный труд — «Государь» был настольной книгой всех диктаторов за почти последние пять столетий. Уж больно доходчиво там была описана технология единоличной власти. Это книга была по форме совсем не похожа на творения современных сеньора Никколо — ни вам красоты слога, ни красочных и лирических отступлений. «Государь» напоминает современную инструкцию по применению. Когда вы покупаете любую новинку от швейной машинки до компьютера, в коробке есть книжка, где доходчиво, по пунктам объясняется, как включить и как пользоваться устройством. Так и у Макиавелли, все очень удобно разбито по разделам — например, «Если вам царство досталось по праву наслед-

ства», то надо действовать так, а если «царство досталось силой оружия» — то эдак. И все в таком же духе, с историческим примерами. Полезный труд для тех, кто собрался править. Но Никколо Макиавелли, со дня рождения которого 3 мая исполнится 550 лет, писал не только пособия для тиранов, но и гениальные исторические труды — «Историю Флоренции», трактат «О военном искусстве», «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия». Этот выдающийся политик своего времени утверждал, что политика — «наука опыта», которая «разъясняет прошлое, руководит настоящим и способна предсказывать будущее».

НЕГЛУПАЯ ДАМА ПРИЯТНОЙ НАРУЖНОСТИ

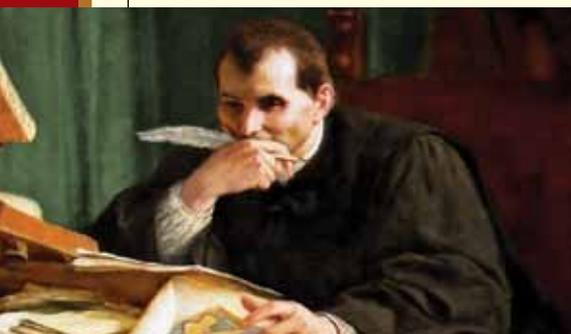

Так скромно о себе говорила одна из самых блистательных женщин своего века и великая российская императрица, матушка-государыня Екатерина Алексеевна. От рождения ее звали София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. И в ее жилах не было ни капли русской крови. Была она принцессой заштанного небогатого германского княжества. Отец Фике, как ее звали в семье, и вовсе служил в прусской армии великого Фридриха II. Правда, ближе к отставке он был произведен в генерал-фельдмаршалы. Совсем девочкой Фике сосватали в жены наследнику российского престола, племяннику российской императрицы. И вскорости Россия стала для нее Родиной, которую юная принцесса приняла всем сердцем. В крещении в православие — лютеранку никто бы с цесаревичем не повенчал — она получила русское имя Екатерина, и ее стали называть близкие Като. Дочь Петра Великого, царствующая императрица Елизавета Петровна довольно быстро поняла, что невестка очень умна, и станет опорой своему недалекому мужу — Петру. Но она и представить себе не могла, что у юной немки были совсем другие

планы. После смерти Елизаветы и воцарения Петра III Като с помощью гвардии совершила «бескровный» переворот и сама стала государыней, да еще какой! Правление Екатерины Второй справедливо называли «золотым веком». Она талантливо правила, удачно воевала, принимала правильные государственные решения, отыскивала талантливых и нужных людей, и впервые со времен Петра I реформировала систему государственного управления России. При ней Россия закрепилась на Черном море, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье, Восточная Грузия, произведено три раздела беспокойного русского соседа — Польши. Во внутренней политике тоже были приняты судьбоносные решения: реорганизация Сената, проведена секуляризация церковных земель, учреждены Уложенная комиссия по систематизации законов и комиссия управления губерниями, упразднено гетманство на Украине, были дарованы Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам. Приняты на государеву службу бесчисленные дворянские дети, ставшие военными, чиновниками и учеными. Совсем неплохо для «неглупой дамы приятной наружности»? Она вела переписку с выдающимися умами Европы, и те почитали за честь состоять в дружбе с российской императрицей. России вообще всегда везло на толковых людей, появлявшихся в нужное время, особенно в непростые времена. И вот так однажды пришла на Русь немецкая девочка Фике и стала гениальной правительницей, оставшейся в истории на века под именем Екатерины Великой.

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ — НЕЛЬЗЯ!

Помните, как ответил великий русский полководец Суворов императрице Екатерине Алексеевне на приглашение отобедать у нее в пост, и царица ему повесила на грудь звезду? Наверное, это просто забавный исторический анекдот, и такого в жизни не было. Хотя с Александром Васильевичем много происходило забавного. Например, с предыдущей императрицей Елизаветой. Та обратила внимание на бравого юного солдата-семеновца, стоящего в карауле. Она расспросила, кто таков и, решив поощрить за службу, протянула

серебряный рубль. Но Суворов ответил, что караульный не имеет право ничего брать. Царица улыбнулась: «Молодец, службу знаешь!» и положила рубль у его ног, сказав, чтобы взял монету, когда сменится. Этот рубль будущий генералиссимус хранил, как талисман. Может и это тоже небылица, но факт остается фактом, и звездами жаловали своего военачальника русские цари и серебром с золотом, и почетными титулами – князь Итальянский, граф Российской империи Суворов-Рымникский, князь и королевский родственник Сардинского королевства, граф Римской империи, генералиссимус российских сухопутных и морских сил. И были все мыслимые и немыслимые ордена. Хотя случались и опалы из-за строптивого характера Александра Васильевича. Впрочем, недолгие – уж очень часто в столь беспокойные времена XVIII века требовались российскому государству ум, умения и гениальность лучшего полководца в отечественной истории. Все мы с детства знаем его победы – и участие в Семилетней войне, и Варшава, и Измаил, и Чертов мост у перевала Сен-Готард. А еще он был «отец солдатам», которые его боготворили. Он заботился о них, следил за условиями жизни, чтобы не голодали и не мерзли. Обучал воинскому умению молодых офицеров. Подчас очень строго с них спрашивал, устраивая трудные экзамены. Был забавный случай, когда он спросил молодого поручика, что такое «ретирада» – так на языке военных называется отступление. Тот вытянулся в струнку, выкатил глаза и рявкнул: «Не могу знать!» «Как так? Да я тебя!..» – опешил, а потом рассвирепел Суворов. «Не могу знать и все!» – повторял поручик, уворачиваясь от крепкой трости генералиссимуса. Он добежал до двери, обернулся и крикнул: «В нашем полку такого слова не знают!» Александр Васильевич расхохотался, поманил поручика пальцем и, подобно покойной императрице Елизавете, награждал находчивого храбреца серебряным рублем.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ» ВЕЛИКОГО ФРАНЦУЗА

Французы, когда хотят сказать русским собеседникам приятное, говорят, что на свете есть только две великие литературы – их, французская, и русская. Это, конечно, лестное преувеличение, но правда в том, что именно выдающиеся писатели этих двух народов сумели

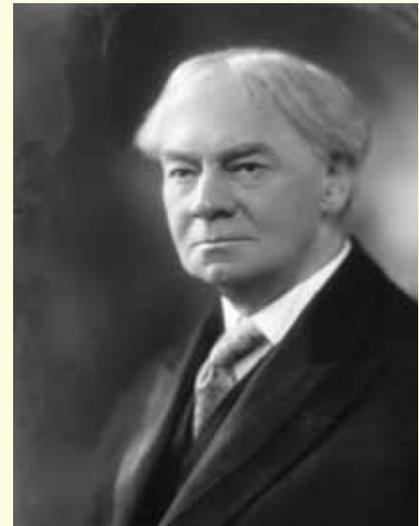

осуществить столь глубокое погружение в духовный мир человека, как Стендаль и Тургенев, Толстой и Флобер, Достоевский и Гюго, Чехов и Мопассан. Но признанным королем французской литературы, одним из ее краеугольных камней, стал выходец из Тура – Оноре де Бальзак. Он родился 20 мая 1799 года в скромной крестьянской семье. И собирался стать юристом и учился в Вандомском коллеже. Но с самой юности проявил способности к литературе. Свои первые романы он опубликовал чуть за двадцать, и почти сразу его заметили критики и публика. Юриспруденция потеряла в его лице успешного нотариуса или адвоката средней руки, зато мировая литература получила гениального исследователя человеческой души. Когда-то великий Данте написал «Божественную комедию», но пришло время, и Бальзак, из простительного тщеславия добавивший себе дворянскую приставку «де», написал «Человеческую комедию», так же, как и великий итальянец, прославив свое имя на века. Только век ему был отмерен недолгий – 51 год. Бальзак работал «на износ», чтобы вылезти из бесчисленных долгов, плюс к тому выпивая в день до полсотни чашек кофе – какое сердце такое выдержит.

ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ АВТОРА

В книге их звали Джордж, Гаррис и Джей, не считая пессика по имени Монморанси. Их прототипами стали Джордж Уингрэйв, Карл Хеншель и сам рассказчик – писатель Джером Клапка Джером. Как звали пса, узнать не удалось. Уже больше века читатель умирают от смеха читая о приключениях тех самых «Троих в лодке, не считая собаки», написанные чудным английским писателем юмористом.

В детстве Джерома ничто не предвещало жизненных удач – его родители неосторожно занимались бизнесом, обанкротились и умерли, когда будущему писателю не исполнилось и 13 лет. Пришлось ему пробиваться в жизни самому. Кем он только не работал: конторским служащим, учителем, подручным стряпчего, артистом, редактором юмористических журналов. И лишь потом стал постоянным сотрудником сатирического

журнала «Панч», а потом и сменил на посту главного редактора самого Киплинга в журнале «Лентяй». Джером написал немало, добился финансового благополучия, но такого большого успеха, как от «Троих» уже больше не случилось. Великих и толстых романов он не написал, но оставил невероятно веселые рассказы о путевых приключениях молодых людей в недолгом лодочном путешествии от Кингстона до Оксфорда.

Василий Меркурьев и Михаил Максимов с Петей Меркурьевым. 1949

«СИНИЙ ПЛАТОЧЕК» ЛЕЙТЕНАНТА МАКСИМОВА

■ Юрий КРУЖНОВ, Елена ПЕТРОВА

Жизнь замечательна счастливыми случаями. Благодаря такому случаю сложилось заочное знакомство «Русского клуба» с Еленой Петровой – дочерью Михаила Максимова, автора слов к легендарной песне Великой Отечественной войны «Синий платочек». С 1960 года она живет в Болгарии, в Софии. По профессии – инженер, сейчас – на пенсии. Член Союза переводчиков Болгарии с первых дней его основания.

В ответ на небольшую услугу Елена Михайловна сделала нам подарок – прислала книгу о своем отце, которую написала в соавторстве с искусствоведом, литератором Юрием Кружновым. Книга необыкновенно интересна – она не только рассказывает о любимой песне нескольких поколений, но и впервые раскрывает незаурядность и многогранность личности Михаила Максимова, который на протяжении десятилетий, к сожалению, оставался автором одного стихотворения...

Предлагаем нашим читателям фрагмент из книги «Синий платочек» лейтенанта Максимова».

Из эпохи Великой Отечественной многое собираешь уже по крупицам. Но вдруг оказывается, что военное время – совсем рядом и буквально вплелось в нашу жизнь. «Эхо войны» и спустя десятилетия слышно бывает вполне явно. Сколько еще фактов скрыто обстоятельствами или людьми, сколько еще обстоятельств тех лет

вызывает вопросы за вопросами. А сколько скрыто пеленой фальсификаций или затемнено бытовыми легендами...

Вот, казалось бы, известная всем история знаменитой песни военной поры «Синий платочек», которую даже спустя семьдесят пять лет после ее написания знает почти каждый в России (да не только в России). Знают и люди среднего поколения, и поколение юное, даже школьники. Немало строк посвящено этой песне. История ее, можно сказать, «обсосана» в научных книгах, в различных статьях, в военных мемуарах. Еще больше написано об исполнении песни Клавдией Шульженко и о том, как родился «военный» «Синий платочек» в далеком 1942-м, как песня приобрела небывалую популярность во время Великой Отечественной. А сегодня песня приобрела значение символа военных лет. Одна из современных энциклопедий называет песню «лирическим гимном» военного времени.

И все же один пробел в истории песни до сих пор остается, и почему-то он мало беспокоит исследователей...

Мелодия «Синего платочка» родилась в 1940 году. Автор ее – польский композитор Ежи Петербургский. Это был незамысловатый эстрадный вальсок без слов. Написан и впервые исполнен этот вальс был в СССР. Почему в СССР? В 1939 году польский эстрадный оркестр Ежи Петербургского и Хенрика Голда выступал в польском городе Белостоке. Это совпало с началом Второй мировой войны. После сентябрьских событий на театре военных действий и произошедшего раздела территории Польши между Германией, Словакией, СССР и Литвой, Белосток отошел к республике Белоруссия в составе СССР. Оркестр Петербургско-Голда оказался по факту белорусским оркестром. Уезжать из спокойного Белостока на родину, оккупированную немцами, было опасно. Ежи Петер-

сбурский остался в Белостоке и в конце 1939 года возглавил Белорусский республиканский джаз-оркестр.

В 1940 году оркестр давал концерты в Минске. Здесь-то, в гостинице «Беларусь», и был написан Петербургским вальс, который оркестр тут же включил в репертуар. Вальс очень понравился слушателям. Вскоре оркестр приехал на гастроли в Москву. На одном из концертов побывал известный в то время советский поэт, сценарист, драматург Куба (Яков) Галицкий. Ему так понравился исполненный в концерте вальс, что он набросал слова к нему и показал Петербургскому. Два дня спустя солист оркестра Станислав Ляндау исполнил вальс со словами Галицкого. Назывался вальс «Синий платочек».

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч,
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.
Порой ночной
Ты распрощалась со мной,
Нет прежних ночек,
Где ты, платочек?
Милый, желанный, родной?

Песня понравилась и музыкантам, и публике. Ее вскоре включили в свой репертуар известные советские артисты, среди них – Надежда Юровская, Изабелла Юрьева, Лидия Русланова. В 1940 году эти три певицы записали песню на граммпластинки. Первой была Юровская, второй – Юрьева.

Однако нам песня известна не с этим текстом. Не он сделал ее сверхпопулярной и не с ним она стала позже символом Великой Отечественной. Новые слова, благодаря которым песня получила всенародную известность и которую мы знаем как легендарный «Синий платочек», написал некий «лейтенант М. Максимов». И вот загадка – если о Якове Галицком мы легко находим сведения в справочниках, воспоминаниях, то о лейтенанте М. Максимове не найдем практически ничего.

Везде только одна строчка – «Слова лейтенанта М. Максимова».

Вот это и есть нераскрытая тайна в истории песни...

В мирное время Михаил Александрович был человеком сугубо гражданским. До войны он учился в Ленинграде в Институте инженеров общественного питания. Окончил он его в 1935 году. Потом работал в сфере общественного питания. Придя с войны, вернулся к своей мирной профессии, работал директором ресторана «Метрополь». Сведения о довоенной жизни Максимова скудные. Зато о военной поре они оказались несколько полнее. 26 июня 1941-го Максимов записался добровольцем на фронт (хотя имел бронь) и был направлен на Волховский фронт помощником командира 1-й горно-стрелковой бригады артиллерийско-пулеметного батальона. Однако в январе 1942-го, уже в звании лейтенанта, он был отозван в распоряжение редакции дивизионной газеты 54-й армии Волховского фронта «В решающий бой». Его корреспонденции появлялись в газете каждый день. У Максимова был немалый поэтический дар, и рядом со статьями о делах на фронте и в действующей армии постоянно появлялись его сатирические стихотворения на злобу дня, юморески, басни, патриотические стихи. Была и лирика, которой так ждали бойцы на фронте.

Мы с тобою в верности до гроба
Никогда друг другу не клялись,
Но без слов ей присягнули оба
В час, когда, прощаясь, обнялись...

До войны вальс «Синий платочек» со словами поэта Я. Галицкого был довольно популярен. Тихая лирика текста, трогательная мелодия снискали песне такую же любовь, как томное танго «Утомленное солнце» (кстати, того же Ежи Петербургского), «Чайка» Ю. Милютинина или лирические

фокстроты «Эх, Андрюша» И. Жака, «Мишка, Мишка, где твоя улыбка» В. Нечаева. Однако если все эти песни исчезли из репертуара артистов с началом Отечественной войны, то популярность «Синего платочка» не померкла. Уже в первые дни войны поэтом Борисом Ковыневым был написан новый текст на музыку Петербургского. Под названием «Прощальная» песня прозвучала по радио 29 июня 1941 года:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.

Финальные строки этого текстового варианта использовала Лидия Русланова, когда в конце апреля 1942 года записывала песню (со словами Галицкого) на пластинку. История этой записи, кстати, драматична. С матрицы тогда успели сделать лишь пробный оттиск и по какой-то причине тираж отложили. В 1948-м Русланова была репрессирована. Вышло указание приостановить транс-

Клавдия Шульженко

В минуты затишья между боями

ляцию ее выступлений, а все ее записи уничтожить. Только в 1976 году, после смерти Руслановой, чудом сохранившийся экземпляр пробного оттиска удалось обнаружить киевскому филофонисту В.П. Донцову. Пластинка вышла в 1982-м...

Но вернемся в 1942 год. 9 апреля этого года началась новая история уже известной песни. В апреле на Волховский фронт, где служил Михаил Максимов, прибыла фронтовая бригада – джаз-ансамбль ленинградского Дома Красной армии им. С.М. Кирова под управлением Владимира Коралли и Клавдии Шульженко. Сделать отчет о выступлении артистов в Волхов был откомандирован литсотрудник дивизионной газеты «В решающий бой» лейтенант Максимов. И вот строки из военного дневника Александра Бартэна, однополчанина и друга Максимова: «5 апреля 1942 года. Вечером в клубном зале школы – концерт джаз-ансамбля Ленинградского ДКА под руководством Шульженко и Коралли... Тяжело раненные. Сдержанные стоны. Слабый свет. Маленькая школьная сцена с остатками детских декораций. Раненые послали записку. По их просьбе Шульженко исполнила «Синий платочек».

Шульженко спела вариант со словами Галицкого, вари-

ант, который певице не нравился, но который был тогда популярен.

А вот вспоминает сам Михаил Максимов: «Узнав, что я пишу стихи, Шульженко попросила меня написать новый текст «Синего платочка». – Песня популярна в народе, – сказала она, – у нее приятная мелодия. Но нужны слова, которые бы отражали нашу великую битву с фашизмом».

Максимов работал над текстом, как рассказывал Бартэн, всю ночь. «Мне сразу понравилась песня, простые, берущие за душу слова, – рассказывала позже Шульженко. – У каждого из защитников нашей Родины есть своя родная женщина, самая близкая, любимая и дорогая, за горе и страдания которой он будет мстить врагу».

Особенно нравились солдатам строчки Максимова: «Строчит пулеметчик / За синий платочек, / Что был на плечах дорогих!»

12 апреля 1942 года эти слова впервые прозвучали в исполнении Шульженко. Вот как вспоминает про это Бартэн: «В ночь с 8 на 9 апреля Максимов, вернувшись с концерта Шульженко, сел за стол и на рассвете разбудил меня: текст, мол, готов, послушай... А через три дня – 12 апреля Клавдия Ивановна впервые выступила в железнодорожном депо стан-

ции Волхов с новым «Синим платочком»... Благодарные железнодорожники вручили Шульженко по тем временам неслыханный подарок – настоящий кремовый торт. Что касается Максимова – ему достался кусок торта, десяток папирос и стакан клюквы с сахаром. Таков был необычный гонорар».

Подробности встречи Шульженко с лейтенантом Максимовым несколько разнятся в изложении разных авторов, даже самой Клавдии Ивановны – в книге и в ее поздних высказываниях. Много позже и сам Максимов по-иному рассказывал про этот случай. Но, как бы там ни было, с этого момента началась та невероятная популярность «Синего платочка», которая не стихала десятилетия. Тоска по дому, по любимой женщине, по семье возвращала солдат – хотя и в мечтах – к мирной жизни, а главное – не давала ожесточиться их сердцам, сохраняла тепло души, человечность. В истории с «Синим платочком» именно слова сыграли решающую роль. Благодаря словам песни и стала символом, эмблемой военной эпохи. Редчайший случай. И была то заслуга никому неизвестного лейтенанта Максимова...

Спротивление начальствующих органов проникновению «лирического элемента» в военный песенный репертуар поначалу было довольно сильным. Не сразу нашли путь к слушателю те же «Землянка» Листова, «Вечер на рейде» Соловьева-Седого, «Морячка» Н. Будашкина... И слова песни «Синий платочек» в газете «В решающий бой», где работал Максимов, печатать отказались. Вот как рассказывал про это много лет спустя сам Максимов: «Я, конечно же, не мог тогда предположить, что «Синий платочек» с моим текстом приживется и что ему будет уготована такая долгая жизнь. В ту пору считалось ведь, что на фронте нужны совсем дру-

гого рода стихи и песни – призывные, мобилизующие. Помнится, редактор нашей газеты в ответ на мое предложение опубликовать эти стихи вместе с отчетом о концерте Шульженко тоном, не терпящим возражений, категорически заявил: «Вы что, лейтенант? О каких «синих платочках» может идти сейчас речь? Кругом – война, смерть, разрушения...» Об этом разговоре узнал наш ответственный секретарь, получивший новое назначение – редактором дивизионной газеты «За Родину!» – Александр Плющ. «Давай, – сказал он мне на прощанье, – твоё творение. Я его в своей газете напечатаю и тем отмечу вступление в новую должность. А вась, не снимут». Он первый эти стихи опубликовал. Больше я и никуда не посылал».

Газет «За Родину!» было во время войны несколько. Стихи Максимова были напечатаны в газете 331-й дивизии 54-й армии Волховского фронта. Так песня начала свой путь к воювавшим на фронте. Потом прибавились граммпластинки, которые с 1942 стали поступать в некоторые армейские части вместе с патефонами, и открытки (в том числе нотные), тысячами присылаемые на фронт.

Помню, как в памятный вечер
Пал платочек твой с плеч.
Как провожала
И обещала
Синий платочек сберечь.
...Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой!
Нежные речи,
Девичьи плечи
Помним в страде боевой.
За них, родных,
Любимых, желанных таких,
Строчит пулеметчик.
За синий платочек.
Что был на плечах дорогих!

Именно этот вариант всегда исполняла Клавдия Шульженко – и во время войны, и после.

...Но вот война отгремела. И что же известно нам о Михаиле Максимове послевоенного

времени? Практически ничего. Что было с ним? Где работал? Какова была судьба его родителей? Писал ли и дальше он стихи, печатал ли их?

И вдруг однажды звонит мне Елена Михайловна Петрова и сообщает, что разыскивая в Интернете сведения о работе папы в «Метрополе», нашла интересный и ей неизвестный материал – отрывки из книги Петра Меркурьева о своем отце, народном артисте Василии Меркурьеве; и там упоминается Михаил Максимов! Я кидаюсь к полке и достаю книгу воспоминаний Петра Меркурьева-Мейерхольда о своих родителях, которую он мне когда-то сам и подарил – «Сначала я был маленьким». Под 1947 годом читаю: «Случилась трагедия: у Манюни (няня Меркурьевых) украли все карточки на месячный провиант... Папа торопится на спектакль, мы остаемся дома с перспективой голодного завтра. В этот вечер папа не сразу идет домой – он заходит в ресторан «Метрополь» поужинать и что-нибудь выпросить из продуктов. Но надежды на это мало – работники ресторана боятся: за такие проступки легко угодить в Сибирь... Во время папиного ужина к его столу присаживается молодой высокий красивый мужчина и сразу участливо спрашивает: «Василий Васильевич, что у вас такое грустное настроение?» Папа поведал незнакомцу нашу печальную историю. Собеседник тяжело вздохнул и, сказав: «Не отчаивайтесь, Василий Васильевич», отошел от столика. Поужинав, папа позвал официанта, чтобы расплатиться. «За вас заплачено», – ответил тот. А когда пришел домой, то застал такую картину: мама, бабушка и Манюня рассматривали содержимое четырех огромных коробок. А там были и макароны, и крупа, и колбаса, и подсолнечное масло, и сгущенное молоко... «Вот, Вася, принесли и сказали, что это тебе. От кого – не

Возвращение победителей

сказали». Выяснилось, что вчерашний красивый молодой мужчина оказался директором «Метрополя», фронтовиком, лейтенантом Михаилом Максимовым. И завязалась у дяди Миши с нашей семьей очень прочная дружба, закончившаяся только со смертью моих родителей. Лишь несколько лет спустя Михаил Александрович случайно обмолвился, что слова популярнейшей песни «Синий платочек», которую пела К.И. Шульженко, написал он».

Когда я читал эту книгу 10 лет назад, я еще не интересовался личностью лейтенанта Максимова и потому пропустил эти строки. Но теперь для меня открылось нечто весьма неожиданное. Дело в том, что с Петей Меркурьевым мы в 1960-х учились в музыкальном училище при консерватории на одном курсе, в одной группе. Мы очень дружили, и я часто бывал в квартире Меркурьевых на ул. Чайковского, 33. Мы целые вечера болтали, музицировали, обсуждали что-то, пили чай, кофе с молоком. У Мерку-

Михаил Максимов

рьевых почти всегда был народ, да и семья была большая. И вот, прочтя теперь строки о «дяде Мише», я задумался – а не видел ли я этого «дядю Мишу» там, на Чайковского, 33? В 1960-х ему было лет 50 с небольшим. Я попросил Елену Михайловну прислать мне фото папы. И я узнал этого красивого статного мужчину, всегда веселого и общительного, всегда готового перебраться шуткой с молодежью. Я, может, и видел его у Меркурьевых всего несколько раз, может, и сказал-то всего пару слов. Но юная память цепкая: я точно видел, я знал этого человека. Помнил его юмор, ироничный часто. Михаил Александрович не прочь был немного подтрунить над нами, студентами. Но всегда это было по-доброму.

Вот какие зигзаги совершает судьба – в течение нескольких лет я пытался докопаться, кто же такой этот загадочный «лейтенант Максимов»? А оказывается, я был с ним знаком, я даже говорил с ним!

Что я еще узнал о Максимове? Помимо того, что он писал стихи, он неплохо рисовал. Но поразительнее всего были музыкальные дарования Михаила

Александровича. У него был абсолютный слух, и он обладал тем, что называют «моцартовская память», то есть он мгновенно запоминал услышанное произведение и мог повторить на музыкальном инструменте в точности любую впервые услышанную пьесу. Вот что пишет о нем Петр Меркурьев в своей книге: «Дядя Миша был потрясающе музыкален. Великолепно играл на рояле (хотя специально этому не учился), а слух у него был такой, что любой дирижер позавидовал бы! Однажды я решил его проверить «капитально» и двумя руками – от кончиков пальцев до локтей – «лег» на клавиатуру. Дядя Миша засмеялся, но назвал ноты, которые не прозвучали в этом диапазоне... От него я, шестилетний, узнал об опере Прокофьева «Война и мир» – Максимов ходил и на репетиции, и на спектакли в Малый оперный, а потом у нас дома по слуху играл почти всю оперу и пел очень приятным баритоном любимые партии».

С семейством Меркурьевых у Михаила Александровича дружба была очень тесной. В 1950-х Михаил Александрович жил на улице Рылеева, дом 17-19. Племянница Михаила Александровича Зинаида Мартынова, посещавшая там дядю в те годы, рассказывала, что к Максиму заходил сам «Вас Васич» (так в актерской среде ласково звали Василия Васильевича Меркурьева), да не один, а с друзьями, артистами Театра им. А.С. Пушкина – Игорем Горбачевым и Ольгой Лебзак. С Максимовым, как рассказывают, можно было говорить на любые темы. Он был не только очень образованным человеком, но и непревзойденным собеседником, остроумным, веселым, тонким. Был артистичен, обладал даром рассказчика.

Для полноты повествования – еще два слова об истории песни «Синий платочек». Ее известность перешагнула границы СССР в довоенные

годы. В 1940-х первый исполнитель песни – Станислав Ляндау – перевел ее на английский, а после войны, в 1952-м напел английский вариант на пластинку. На мелодию Петербургского было написано еще несколько текстов. В 1945 году появился французский «Синий платочек», его создал поэт Луи Потерат. В 1949 году вышел из печати испанский вариант песни поэта Марио Баттистелли – он был издан в Буэнос-Айресе, в Аргентине, куда в 1949-м перебрался на жительство Ежи Петербургский. Вскоре появился вариант текста на иврите известного израильского поэта Авраама Шленского (Шленск – польское название Силезии). Издавался «Синий платочек» и в США, правда, музыка Петербургского подверглась переработке, и авторами ее были указаны два других композитора – Don Reid и Seva Foullon. В России вариантов слов было около 80-ти. С 1940-го по 1944 год, например, слова к «Синенькому платочку», помимо Галицкого, Ковынева и Максимова, писали также Павел Герман, Михаил Гаркави и еще многие, часто безвестные авторы. А вот на родину Ежи Петербургского песня пришла только в 1967 году, и связано это было с возвращением композитора в Польшу. Авторами польских слов были Артур Тур и Агнешка Фейль. По-польски песня начинается «Маленький синий платочек / Тот, что храню много лет...» Песня пелась от имени женщины (хотя изначально песня – «мужская»), а платочек превратился в носовой – в русском варианте это был головной платок («Падал с опущенных плеч»). «Синий платочек» и сейчас один из хитов польской эстрады.

Но вряд ли этот нежный военный вальс где-то трогает слушателя так, как трогает он нашего слушателя. Слишком о многом – и многим – говорят до сих пор его звуки – и, конечно, его слова.

Мелитон Кантария и Михаил Егоров со знаменем Победы

Грузинский командир легендарных «Катюш»

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Лучшим советским оружием в годы Второй мировой войны Уинстон Черчилль считал советский танк «Т-34». И это действительно так. Однако самым ошеломительным оружием для фашистов стала знаменитая «Катюша» – реактивная артиллерия, наводившая ужас на немецкие войска. Наши знаменитые «тридцатьчетверки» поистине были совершенством в мировом танкостроении, к сожалению, в начальный период войны их оказалось захваченных немцами больше чем они остались у Красной Армии. Это была трагедия первых годов войны с фашистской Германией – миллионы советских военнопленных, огромнейшая добыча вооружения, боеприпасов, материальных ценностей, захваченных на то время сильнейшей армии мира.

Однако первый залп «Катюш», который был произведен по врагу 14 июля 1941 года в районе железнодорожной станции Орша, навел такую панику у фашистов, что эхо их выстрелов моментально докатилось до

вставки Гитлера. По его приказу лучшие силы Вермахта и Абвера были брошены для захвата этого неожиданного для фашистов чудо-оружия, что так и не удалось реализовать...

Отдельная экспериментальная батарея реактивной артиллерии была сформирована в июне 1941 года и имела на вооружении пять боевых машин БМ-13, которой командовал 36-летний капитан Иван Андреевич Флеров. За спиной у него была финская кампания, годы учебы в Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского. После Орши батареи «Катюши» успешно действовала в боях под Рудней, Смоленском, Ельней... В начале октября 1941 года батарея Флерова в составе группировки войск оказалась в тылу фашистских войск. При движении к линии фронта она попала в засаду врага, большая часть личного состава батареи погибла вместе с отважным командиром, расстреляв весь боезапас и взорвав боевые машины... Как легенда, из уст в уста, переходила слава в советском чудо-

оружии, придавая в те тяжелейшие дни надежду отступающим советским частям в разгром ненавистного врага...

Долго я искал среди моих соотечественников-участников войны с фашистами человека, имевшего прямое отношение к этому грязному оружию, прозванного в советской армии ласковым женским именем «Катюша». Как мне объяснили знатоки истории войны – это народное название было связано с заводской маркой – буквой «К», имевшейся на этих боевых машинах и с популярной в то время одноименной песней. Однако мои поиски были безрезультатными.

И наконец, мне повезло. Впервые о легендарном командире легендарных «Катюш» мне довелось услышать в Москве, в год тридцатилетия Великой Победы над фашистской Германией. В Центральном музее ВС СССР я познакомился там с полковником в отставке В.И. Кузнецовым. Беседуя с ним, мы подошли к священной реликвии – Знаменем Победы. Небезынтересно, что победоносное Красное Знамя водрузили отважные разведчики 756-го стрелкового полка 150-й сд 3-й Ударной армии сержанты русский Михаил Егоров и грузин Мелитон Кантария. Эти два воина-побратимы, ставшими Героями Советского Союза – символизировали потрясающую закономерность апофеоза той страшной войны. Русский Егоров – как представитель русского народа, понесшего самые громадные людские потери в войне и грузин Кантария – как представителя народа, больше всех в мире отправившего на фронт своих граждан в процентном соотношении к своему населению!

– А вы знаете, – произнес убежденный сединой ветеран войны, увешанный боевыми орденами и медалями, это знамя нашей 150-й стрелковой дивизии, в немалой степени помог водрузить Егорову и Кантария на купол Рейхстага штурмовой дивизион «Катюш», которым командовал

майор Картвелишвили. Помню, дивизион так и называли в его честь «грузинским».

Так вот удача! Рассказ полковника Владимира Кузнецова взволновал меня, но, к сожалению, подобных сведений о Картвелишвили он не помнил. Следуя совету бывшего офицера, я обратился за помощью к работникам Советского комитета ветеранов войны, где мне любезно предоставили несколько адресов ветеранов знаменитой 150-й стрелковой дивизии. Начались долгие поиски людей, знавших Александра Картвелишвили. Пошли запросы в Подольск, архив Министерства обороны СССР. Но и это не дало желанных результатов: с течением времени адреса многих изменились. И все же настойчивый поиск принес свои плоды. Стали поступать письма от бывших воинов 150-й сд, а затем и последовала встреча с сыновьями Александра Картвелишвили – Володей и Шалвой (их адрес был сообщен однополчанами), которые тоже многое рассказали о своем отце. Супруга нашего героя долгие годы работала провизором в аптеке Квемо-Мачхачани, в Кахети. После войны гвардеец Александр Картвелишвили работал в родном селе Арбошики зоотехником. Трагически погиб в 1954 году.

...Начало войны для Александра Картвелишвили совпало с окончанием Ростовского артиллерийского училища. Молодых командиров сразу же направили на фронт. Картвелишвили был назначен командиром батареи. Северо-Западный, затем Брянский фронт. И вдруг приказ: в числе небольшой группы наиболее способных командиров-артиллеристов Картвелишвили направляется в тыл, где в это время начали создавать минометные части, оснащенные секретным оружием.

Положение на фронтах Великой Отечественной войны к лету 1942 года приняло угрожающий характер. Враг вплотную подошел к Кавказу, рвался к Сталинграду. Тяжелейшее положение

Залп «Катюш»

сложилось на Ленинградском фронте, трудно было и на других фронтах. Исходя из сложившейся обстановки, учеба шла днем и ночью. Вскоре, в июне 1942 года Александру Картвелишвили поручили сформировать уже отдельный минометный дивизион реактивных установок М-30, предназначенных для стрельбы тяжелыми реактивными снарядами 300 мм калибра весом около 100 килограммов каждый. От взрыва только одного такого снаряда образовалась воронка диаметром около пяти метров и глубиной 2,5-3 метра. Залп же дивизиона состоял из 288 таких снарядов. Первоначальный же снаряд «Катюши» весил 42,5 килограмма. Вот какая мощь стала поступать в армию.

Создаваемые особые минометные части «Катюш»-дивизии, бригады, полки и дивизионы входили в состав арт-резерва Верховного Главнокомандующего. К примеру, за годы войны было создано всего 38 отдельных дивизиона, одним из которых всю войну командовал наш отважный земляк...

Прибываемый личный состав для формирования дивизиона, за исключением части командиров – со школьной скамьи. При-

шло начинать с азов. А время-то в обрез. Повсюду наступают немцы. Ставка требовала: быстрее овладеть техникой и выезжать на фронт! И все это проходило в обстановке особой секретности. На какое-то время даже письма домой запрещалось писать.

До глубокой ночи Александр Картвелишвили просиживал за учением новой грозной техники, различных инструкций и наставлений по применению М-30 в бою. Дней через десять дивизион Картвелишвили, как самый подготовленный, был направлен на полигон близ Москвы. В присутствии членов правительства и представителей Ставки Верховного Главнокомандования предстоял экзамен. Его новички-артиллеристы выдержали отлично. Потом фронт, первое боевое крещение в районе, Козельска-Сухиничи. Результаты огневых залпов новой ракетной техники превзошли все ожидания. Враг, бросив все свое вооружение, панически бежал. Слава новых, усовершенствованных «Катюш» приумножала силы советской пехоты, которая успешно развивала наступление на врага.

Командиру дивизиона ракетной техники А. Картвелиш-

вили и всему личному составу была объявлена благодарность командующего армией. Затем Калининский фронт. Сокрушительные залпы по сильно укрепленным пунктам Великие Луки и узлам сопротивления в районе г. Белый. И вновь ракетчики А. Картвелишвили проявили себя отличными артиллеристами. В январе 1943 года дивизион грузинского офицера вошел в состав 23-й гвардейской бригады знаменитой 5-й гвардейской минометной дивизии, которых за все время войны было семь!

Вначале дивизия состояла из двух тяжелых гвардейских минометных бригад (М-30) и четырех гвардейских минометных полков (М-13), а с мая того

шпионам») действовали в этом направлении безупречно, однако их тяжелейшая работа тогда не только не афишировалась, а держалась в строгом секрете. После каждого залпа «Катюш», его команда быстро меняла дислокацию и свои позывные...

Советские «Катюши» превратились к этому периоду в мощное соединение реактивной артиллерии Красной Армии, подобного которому не было в мире! Кстати, по специальному постановлению Государственного Комитета Обороны СССР, изготовление этого чудо-оружия было распределено между десятками предприятий страны, находящихся в ее разных регионах. Это решение обходилось

живой силой и техники врага. Особенно ярко проявился талант капитана А. Картвелишвили в период Курской битвы. Смелые действия дивизиона грузинского офицера в составе уже 22-й бригады в немалой степени способствовали успешному прорыву 13-й армии под командованием известного генерала Н.П. Пухова сильно укрепленного района врага. Интересный факт. 18 сентября 1943 года в СССР первыми кавалерами полководческих орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 1-х степеней стали прославленные командармы Константин Николаевич Леселидзе (1903-1944) и Николай Павлович Пухов (1895-1958). В этот день их наградили орденами Суворова 1-й степени...

В процессе работы над материалом об отважном командире легендарных «Катюш» в семидесятые годы я вел обширную переписку с его однополчанами. Приведу отрывки из некоторых писем его фронтовых друзей. Вот что пишет о нем бывший начальник политотдела 22-й бригады гвардии полковник в отставке В.И. Лютов из г. Ярославль: «...В районе Тросна-Бочкова, это на Орловско-Курской дуге, был обнаружен сильно укрепленный район врага. Разрушить эти укрепления было поручено дивизиону Картвелишвили. Лишь смекалка и отвага грузинского капитана дала возможность дивизиону с честью справиться с заданием. Узел сопротивления врага был полностью уничтожен, а затем успешно занят нашей пехотой. Мощным огнем «Катюш» уничтожено более батальона немецкой пехоты, 5 танков, разрушены все дзоты и две минометные батареи. Многие бойцы и командиры были удостоены боевых наград. Александр Иванович Картвелишвили был награжден орденом Красного Знамени...»

19 июля 1944 года ускоренным маршем из Москвы на Первый Белорусский фронт прибыло 12 усовершенствованных установок БМ-31-12. Эта техни-

В побежденном Берлине

же года – из трех бригад, получивши на вооружение новый реактивный снаряд М-31. Каждая бригада включала четыре дивизиона, имела 144 пусковых станка (рамы) М-31. Гвардейская минометная дивизия могла выпустить 3456 снарядов массой почти 100 кг каждый! Несмотря на все усилия немецкого командования, Абвера, специализированных диверсионных групп с целью захвата наших «Катюш», реактивных снарядов не привели к положительному результату. Советская разведка и контрразведка, «Смерш» (военная контрразведка – «смерть

намного дороже, но прекрасно справлялось с секретностью изготовления реактивной техники. К примеру, отдельные части, узлы «Катюши» выпускались в годы войны на Тбилисском чугунно-сталелитейном заводе, о чем знали в Грузии несколько человек. Кстати, все «Катюши» были укомплектованы зарядами для самоуничтожения.

Благодаря смекалке грузинского командира были созданы «кочующие» батареи и даже огневые группы и установки. Они внезапно появились на самых ответственных участках и сыграли весомую роль в уничтожении

Константин Леселидзе

ка была вручена 22-й гвардейской минометной бригаде. Ее называли «Орудия сопровождения», а впоследствии они были переименованы в штурмовые дивизионы. В сентябре 1944 года ожесточенные бои разгорелись за пригород Варшавы – крепость Прагу. В этих сражения вновь проявил себя гвардии капитан Картвелишвили. Его штурмовой дивизион принимал участие не только в прорыве вражеских оборонительных линий, но и сопровождал пехоту и танковые подразделения в глубине вражеской обороны.

Из Варшавы немцы были выбиты, а советские части устремились к Познани – воротам Берлина. За прорыв обороны фашистов на западном берегу Вислы всему личному составу штурмдивизиона была объявлена благодарность И.В. Сталина. Грудь грузинского командира украсил орден отечественной войны 1-ой степени.

«...Когда я пишу эти строки о гвардии майоре А.И. Картелишвили, я испытываю чувство гордости и глубокого волнения, так как прошел с ним нелегкий боевой путь и всегда в нем видел отважного, мужественного, волевого, требовательного и чуткого командира. Не у всех команди-

ров так сочетались эти ценнейшие человеческие качества, не зря его в дивизионе называли, несмотря на молодость, отцом. А многие пехотные командиры считали его самым храбрым командиром.

Пожалуй, никто не мог так непринужденно разрядить напряженную обстановку, как Александр Иванович. Его юношеский задор, шутки, песни «Сулико», «Цицинатела», «Катюша» приводили в отличное настроение даже самых замкнутых. А как лихо он отплясывал грузинские танцы!..» Это из воспоминаний командира 22-й гвардейской минометной бригады полковника В.В. Гуркина.

...С середины апреля 1945 года войска Первого Белорусского фронта успешно развивали наступление с Одерского плацдарма. Они проходили до 30 км в сутки, сокрушая на своем пути вражеские преграды. Началась грандиозная Берлинская операция. В 9 часов 55 минут 22 апреля дивизион «Катюш» майора Картвелишвили произвел свой первый залп по Берлину. 29 апреля советские войска с ходу захватили мост через реку Шпрее, овладели зданием МВД, находящимся в двухстах метрах от рейхстага. За счет личного состава дивизиона была создана штурмовая группа резерва Ставки, которая вела огонь по врагу из окон зданий прямой наводкой трофейными реактивными снарядами, прозванными «скрипухами». Их обнаружил на кладбище А.И. Картвелишвили со своими гвардейцами. Это было в районе Фалькенбергштрассе.

Из воспоминаний бывшего начальника разведки 5-й гвардейской минометной дивизии гвардии полковника запаса А.Е. Иващенко: «...Во время штурма Рейхстага 30 апреля 1945 года, засевший в нем вражеский гарнизон оказал сильное сопротивление. Для усмирения был дан залп 1-го штурмового дивизиона Картвелишвили. Ошеломленный враг не оказал большого сопротивления, и наша пехота ворвалась на первый этаж Рейхстага.

Небо пылало, багровое зарево встало над гитлеровским логовом. Этот фейерверк и последний салют над Рейхстагом был дан штурмовым дивизионом гвардии майором А.И. Картвелишвили. Это его гвардейцы «пропели последнюю песню «Катюша».

И еще. Гвардии полковник Алексей Ефимович Иващенко с горечью отметил, что грузинский офицер был достоин звания Героя Советского Союза, но в те победные дни всеобщего ликования что-то помешало этому. Единственный среди грузин командир гвардейского отдельного дивизиона «Катюш» за годы войны был награжден орденом Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, шестью фронтовыми медалями...

К сожалению, сегодня никого из наших участников войны нет в живых. В свое время я многие ценные материалы, связанные с Великой отечественной войной, передавал в Тбилисский музей дружбы народов, который Константин Симонов, после его посещения, назвал «самым живым из всех музеев». Передал музею также книги маршала Советского Союза А.М. Василевского и генерала армии Павла Ивановича Батова с дарственными надписями, а также их фотографии, газеты с моими интервью с этими легендарными личностями. Передал в дар музею и отдельную папку с материалами и фотографиями героя войны А.И. Картвелишвили и многое другое. К сожалению, все это я нигде не нашел. Возможно, потеряны навсегда...

И все-таки мне удалось по старым записям в моих журналистских блокнотах более или менее восстановить утраченное...

Герои не умирают! Они навечно в нашей памяти и будут навечно в памяти подрастающего поколения, ради которых они одержали победу над фашизмом...

Сцена из спектакля «Шинель»

«ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ ШИНЕЛИ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Начало года ознаменовалось новыми международными успехами грибоедовцев: в феврале театр имени А.С. Грибоедова отправился на остров Кипр, чтобы принять участие в III международном фестивале «Пять вечеров на Кипре» (президент – Светлана Сулова) со спектаклем «Кроткая» по Ф. Достоевскому – он был показан в городе Пафос. Кипрская публика горячо приветствовала гостей из Грузии, отметив «бесподобный, берущий за душу, щемящий спектакль» в постановке Авто Варсимашвили. «С неослабевающим вниманием следили зрители за перипетиями сюжета и игрой актеров. Их благодарные аплодисменты многократно вызывали артистов и режиссера из Грузии на поклон», – отмечается на сайте фестиваля.

После Кипра, уже в апреле, была Россия. Фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России», на котором Грибоедовский театр представил свою недавнюю

премьеру – феерию «Шинель» по Н. Гоголю. И снова – большой успех! Предлагаем выдержки из рецензий:

«Режиссер Автандил Варсимашвили подошел к воплощению «Шинели» довольно неожиданно: перед зрителем развернулось действие, напоминающее то ли репетиции в театре, то ли театральную иллюстрацию произведения. Создатели называют все это спектаклем-феерией, и происходящее на сцене действительно сравнимо с праздником, который сопровождается ритмами вальса. Скромный и забытый Акакий Акакиевич превращается в настоящего художника, который обожает свою работу, творит на ней, грезит ею даже во снах. Шинель – как муза, как любовь, как вдохновение... Воплощенная в женщине, шинель дарит нашему главному герою счастье, смысл жизни, пусть всего лишь на миг...

Пожалуй, главным достоинством спектакля является восхитительная игра актеров.

Каждый из них, как бы выбирая себе героя под руководством ведущей, перевоплощается от сцены к сцене. Все вместе они – жители Петербурга, служащие конторы, где трудится Акакий Акакиевич, его сны и реальность. По отдельности – люди, сыгравшие главные роли в истории, произошедшей с Башмачкиным. Стремительность спектакля с самого начала дает ощущение неотвратимости печального конца: это словно великолепный «Титаник», которому предстоит крушение.

Полное погружение главного героя в работу и в мечту не позволяет ему думать о чем-то другом, о том, что его окружает, что с ним происходит или может произойти. Он живет как будто в бреду. Впрочем, и умирает так же» (Л. Москвина. «Гоголь в ритме вальса»).

«В спектакле Тбилисского театра шинель – это не только идея, но и прекрасная женщина, ради которой Акакий Акакиевич терпит лишения, добиваясь ее расположения. Шинель танцует в балетной пачке, разделяет любовь к буквам и ложится на плечи, закрывая от холода.

Из-за такого неожиданного взгляда на произведение Гоголя в спектакле меняются акценты. На первый план неожиданно выходит... любовь. А сам Акакий Акакиевич вызывает у зрителя, не жалость, а скорее сочувствие и восхищение. В постановке он представлен замечательным человеком с богатым внутренним миром.

Спектакль начинается как детская игра: прямо на сцене актеры разыгрывают шинель, решая кто кем будет. Здесь же назначается актер на роль Акакия Акакиевича, трогательного, романтического и невероятно доброго. Вокруг него кипит жизнь, летают бумаги, он же самозабвенно переписывает буквы, излучая счастье и умиротворение.

На небольших декорациях гравюры с видами Петербурга и фонари, за которые хватается Акакий, спасаясь от невыносимого ветра. На обратной стороне гравюр буквы, написанные каллиграфическим почерком, вызывающие восхищение у главного героя.

Неприятности ждут Акакия за пределами мира букв. Это общение со злыми коллегами, колоритным и немного сумасшедшим портным Петрови-чем, бесконечное ожидание и счастливое обретение шинели, которое заканчивается ее печальной потерей. В контексте сентиментальной трактовки потеря эта выглядит особенно прискорбно.

Режиссер трепетно относится к повести Гоголя, ее тексту, который, надо сказать, остается оригинальным. В то же время карикатурные персонажи Гоголя одушевляются, обретают человеческие черты и оживают на глазах у зрителя. Труппа работает как единый организм, рассказ плавно переходит от одного актера к другому. Заключительная сцена, где Акакий Акакиевич встречается со «значительным лицом», – одновременно смешная и страшная. «Значительное лицо» превращается из не очень приятного человека в древнего и страшного идола» (Г. Супрунович. «Любимая шинель»).

– Честно говоря, я знал, что спектакль хорошо примут, – говорит А. Варсимашвили. – Мне кажется, наша «Шинель» – фестивальная постановка. Но на самом деле мы не ожидали такого приема. Зрительный зал жил вместе со спектаклем, а в финале устроил нам бурную овацию. Питерская публика до-

статочно консервативна, как говорит наш опыт. Но тбилисской «Шинелью» удалось пробить эту стену. Другие наши спектакли тоже пользовались успехом в Санкт-Петербурге, но обычно половина зала принимала, а вторая – не очень. В этом году спектакль был замечательно принят всеми, в том числе – театральной критикой. Отмечали, что это явление, новое видение Гоголя. Мои коллеги-режиссеры, среди них литовец Оскарас Коршуновас, говорили, что у них появился стимул выпускать новые спектакли, экспериментировать. Так что фестиваль запомнится нам надолго! Я доволен тем, как выступили грибоедовцы. Захотели удивить – и сделали это! Актеры были в очень хорошей творческой форме. Перед спектаклем мы прошли одну репетицию, и я что-то чуть-чуть подправил, изменил.

– Вы были на обсуждении спектакля?

– Традиционно я не остался. Но мне рассказали, что спектакль хвалили практически все и сожалели, что я не присутствую на обсуждении. Помню, когда много лет назад мы показали на фестивале «Встречи в России» «Russian блюз», нас разнесли в пух и прах. Я тогда сказал критикам, что у меня возникло ощущение, будто я нахожусь в полиции нравов, а не среди профессиональных театроведов...

– Кто-то написал, что «Шинель» – спектакль о любви. Мне кажется, это немного сужает саму идею вашей постановки.

– Наша «Шинель», конечно, не только о любви. Только о любви спектакль поставить просто невозможно! «Шинель» театра Грибоедова – о мечте, празднике одиночества. Вообще – о человеке, как мне кажется. Не могу сказать – о маленьком или большом. Нет ни маленьких, ни больших. Есть просто люди. В какие-то моменты – маленькие, в других ситуациях – большие. В каждом сидит и маленький, и большой человек. Наш спектакль – про человека, который мечтал о чем-то чистом и светлом, но – увы...

– Критики говорят о новом подходе, а я бы отметила удивительное соединение в вашем спектакле традиций шекспировского театра, комедии дель арте, возможно, творчества обэриутов, с одной стороны, и элементов реалистического театра – с другой. Это дало неожиданный результат. К чему вы стремились, когда задумывали спектакль? И не появилось ли что-то новое и для вас самого неожиданное в процессе репетиций?

– Конечно, в процессе появилось что-то новое, иначе и не бывает. В то же время ни один профессиональный режиссер не приступает к работе, если у него не намечена четкая цель. Серго Параджанов говорил: все время нужно искать, но при этом знать, что именно ты ищешь. Я знал, что ищу, о чем будет спектакль, придумал форму. И так пришел на первую репетицию. Существует легенда, что я очень быстро ставлю спектакли. Но это иллюзия! Я быстро реализую замысел, но долго готовлюсь. Так что можно сказать, что я очень долго ставлю. Что касается «Шинели», я хотел, чтобы в спектакле была игра, постоянная игра. Ведь суть театра – в игре, а не просто в переживании. Переживать тоже нужно играя. Вот это и есть суть шекспировского, площадного театра, театра

«Шинель»

дель арте. Может быть, даже древнегреческого театра. Мне кажется, когда на сцене царит игровая стихия, это и есть настоящий театр. Именно игра на зрителя, непрерывная его атака различными приемами актерской игры. И такая стилистика была заложена с самого начала, а не появилась на репетиции.

– Вы сразу получили нужный отклик от артистов?

– Мои актеры все прекрасно поняли, и я им благодарен за то, что они следовали за мной и дошли до премьеры так, как это было задумано. Мы ведь очень хорошо знаем друг друга. С самого начала я хотел поставить «Шинель» в Дании, в Копенгагене. Но когда я придумал спектакль, то понял, что не смогу его поставить с актерами, которых не знаю, – с датчанами. Тем более не понимая их языка. И решил сначала осуществить замысел со своей труппой, которая меня понимает. Дело, конечно, не в языковом барьере, а во взаимопонимании с актерами. Я мог бы назвать где-то 10-15 актеров нашего театра, с которыми у меня телепатическая связь на репетиции. Без этого невозможно делать хорошие спектакли. Мы не можем осуществлять крупные театральные проекты где-то в другом месте – только со своими! И это закономерно. Наши успехи за границей не говорят о том, что мы там что-то открываем. Открываем мы у себя, а потом уже выносим это куда-то. Показываем то, что уже нашли со своей труппой.

– В Грибоедовском театре идут четыре спектакля по Гоголю, и все они поставлены в разных жанрах!

– Естественно. Начнем с того, что у всякого большого произведения своя форма, стилистика. К тому же, когда ты ставишь что-то новое, тебе тоже должно быть неинтересно повторяться. Весь смысл режиссуры заключается в том, чтобы заново открывать для себя и для других мир автора. И таким образом говорить со зрителями о человеке. Мне кажется, что просто ставить – это

скучная задача. Для этого не нужно особенно много трудиться и нервничать. Каждый новый спектакль не должен быть похож на предыдущий. Иногда приходится слышать: режиссера можно узнать по его почерку. Думаю, это не очень большой комплимент. На мой взгляд, хорошего режиссера не должны узнавать по стилистике спектакля. К примеру, никто из театроведов не мог бы определить, какова стилистика Джорджо Стрелера или Питера Брука. Не сравниваю себя с Питером Бруком, но для меня важно не быть легко определяемым и узнаваемым. Темы – это другое дело. Но вот по стилистике спектакли одного режиссера не должны походить друг на друга. К этому сознательно стремлюсь. В первую очередь каждый хороший спектакль – это раскрытие автора. А великие авторы и их произведения не могут быть одинаковыми, верно? «Гамлет» и «Ричард III» написаны одним автором. Но это совершенно разные произведения, разные миры! И по стилистике они абсолютно не похожи. Когда речь идет о Шекспире и его интерпретации, спектакли должны отличаться друг от друга, и тогда театр становится намного более интересным явлением искусства.

– Возвращаясь к интерпретации Гоголя. В вашем спектакле «Ревизор» сквозь Николая Васильевича иногда проглядывает Булгаков.

– Булгаков реально ученик Гоголя. «Мы все вышли из гоголевской «Шинели» – эти слова неправильно приписывают Достоевскому. На самом деле они принадлежат французскому критику Эжену Вогюэ. Одним из тех, кто вышел из гоголевской «Шинели», был Михаил Булгаков. Они в чем-то похожи, Булгаков находился под большим влиянием Гоголя. Да мы все находимся под его влиянием! Даже тот, кто открывал произведения Гоголя только в школьные годы, находится под влиянием этого писателя. Через других авторов, учебники, театральные постановки и фильмы. Мир Гоголя вошел в

нас, и почти два века человечество испытывает его влияние. Даже те, кто, возможно, никогда его не читали. Гоголь вошел во многие слои, и через эти слои оказывает свое воздействие... Если мы говорим о мистике в литературе, то откуда она начинается? Я не знаю, читал ли Габриэль Гарсиа Маркес Гоголя, но когда читаешь произведения этого латиноамериканского автора, то чувствуешь, что он находится под его влиянием.

– Да, Маркес говорил, что из Гоголя вышел весь «наш латиноамериканский магический реализм».

– Человек, не знавший Гоголя, не мог бы написать «Сто лет одиночества» или «Полковнику никто не пишет». Я об этом нигде не читал, но у меня есть это ощущение. Все большие писатели на самом деле испытали влияние Гоголя.

– Вы еще обратитесь к творчеству Гоголя?

– Почему бы и нет? Как спектакли ставятся? Или тебе конкретно заказывают, или то или иное произведение приходит так, что тебя даже не спрашивают. К встрече с ним готов твой организм, твой ум, твоя душа, и ты начинаешь этим мучиться. И ты будешь мучиться до тех пор, пока не реализуешь свою задумку. Так что как с Гоголем сложится в дальнейшем, покажет время.

– Когда-то на грибоедовской сцене с большим успехом шел ваш спектакль «Мастер и Маргарита». Вы распрощались с этим автором или новая встреча тоже возможна?

– Не могу сказать, что я с кем-то попрощался или собираюсь поздороваться. Это не от меня зависит. Как загорится! Я как-то спросил Питера Брука на его лекции, как он выбирает пьесу. Режиссер ответил: только тогда, когда она начинает греть сердце. Я бы сказал, что выбор материала – самый сложный процесс. Поэтому здесь абсолютно нет рецептов. Иногда приходится слышать: нужно взять выигрышную тему

«Шинель»

или пьесу. Не существует таких! Можно решить: «это выигрышная тема», а на самом деле она окажется совершенно невыигрышной. Потому что выбор произведения для постановки – как рождение стихов. Можно предсказать, какие стихи родятся у поэта, к примеру, через два месяца? Нет, конечно. То же самое со спектаклями. Темы, авторы не спрашивая сами приходят к нам. Они являются как нежданные гости, стучатся и заходят. И начинают тебя мучить. И ты не можешь не поставить! Поэтому я не могу сейчас сказать, буду или не буду ставить какого-то автора. Сегодня я начал думать о «Горе от ума». Почти двадцать лет я в театре Грибоедова, и все это время многие говорят мне: «Авто, театр носит имя Грибоедова, но в репертуаре нет спектакля «Горе от ума!»». По одной причине: Грибоедов не стучался! А вот сейчас вдруг напомнил о себе... И когда произведение к тебе приходит, ты оцениваешь его не так, как раньше. Еще вчера ты смотрел на него, как на хрестоматию, а когда оно постучалось, ты увидел: да это совсем не то, что ты думал! Когда происходит этот щелчок, тогда и начинается творческий процесс. Очень интересный, хоть и мучительный. Но, думаю, что вообще это са-

мый приятный процесс. Когда все только зарождается и начинает бурлить.

– **Спектакль «Кроткая» Достоевского вы поставили 15 лет назад и после этого не возвращались к этому автору, хотя мир писателя огромен! Он вам не так близок, как Гоголь?**

– Я вообще не так часто ставлю спектакли. Не могу сказать однозначно, что Достоевский мне близок меньше, чем Гоголь, и по этой причине я его редко ставлю. Вот я очень люблю Маркеса, но никогда его не ставил! Я сейчас не играю в какого-то мистификатора. Мне уже скоро 60 лет исполнится – не до игры! Просто, на мой взгляд, многие поступки, как будто бы нами совершаемые, на самом деле делаем не мы. Повторяю: к нам стучатся, заходят, все это существует в каком-то астрале, так что не мы решаем. Я стал фаталистом. Будет – значит будет! То, что должно произойти, произойдет само собой.

– **И Достоевский снова постучится к вам?**

– Безусловно. Это может произойти даже сегодня. Допустим, возьму главу «Легенда о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых» и за-

хочу поставить.

– **Это было бы потрясающе!**

– Идеи, заготовки существуют в тебе, но ты поставишь это только тогда, когда они скажут: «Давай сейчас!» Кстати, так было с Булгаковым. С ним была связана длинная история, мы очень долго шли к этому спектаклю. Это тоже абсолютная мистика, и многие будут опять говорить, что я приверженец магии. Как я начал репетировать «Мастера и Маргариту»? Я ведь дважды откладывал. Вы ведь, наверное, помните? Но однажды я проснулся от страшного шума, и когда открыл глаза, то увидел, что книжный шкаф упал. Все книги рассыпались. Я начал их собирать, и мне попался роман «Мастер и Маргарита» – потрясающее парижское издание 1973 года. Я очень обрадовался, потому что давно не видел эту книгу и думал, что она где-то затерялась. Начал перелистывать роман и открыл его на странице, на которой было написано «Пора!» – название одной из глав. Потом я снова лег и заснул, а наутро отправился в театр и зашел к директору Николаю Свентицкому в кабинет. К этому времени я даже забыл о ночном происшествии. И вдруг Коля сообщает мне, что был только что в одном банке, и там ему сказали, что с удовольствием профинансировали бы спектакль, если это будет, к примеру, «Мастер и Маргарита». Я в свою очередь рассказываю Коле о том, что сегодня произошло. Николай поддержал меня: «Значит, нужно ставить Булгакова!» Не успел я зайти в свой кабинет, как раздается звонок. Я беру трубку. Украинский режиссер Виталий Малахов говорит мне о своем намерении провести через год фестиваль, посвященный Булгакову. «У тебя ничего нет?» – интересуется он. И я понял, что спектакль по Булгакову точно нужно ставить. С такой быстротой, с какой я сделал «Мастера и Маргариту», я не делал ни один свой спектакль. Потому что у меня было полное ощущение, что кто-то мне помогает, сидит у меня за спиной и нашептыва-

ет, как я это должен ставить.

– А Гоголь не сидел за спиной, не нашептывал?

– С Гоголем такого не было. С ним я просто дружил.

– А как родилась идея поставить фантастический рассказ Достоевского «Кроткая»?

– Там была тоже длинная история. Когда-то я снял грузино-итальянский фильм по «Кроткой» с участием Льва Дурова. Вследствие пожара на киностудии копия была утрачена. Вторая копия была у итальянцев – непонятно где, найти их было невозможно, потому что итальянская студия обанкротилась, и эти люди вообще перестали заниматься кино. Так что в 90-е годы я говорил, что снял фильм по «Кроткой», но не мог это никак доказать: у меня самого копии не было. В 1999 году я пришел в театр Грибоедова в качестве художественного руководителя, и однажды, сидя в буфете, мы заговорили о «Кроткой» с актером Валерием Харютченко. Я сказал ему, что вообще не помню свой фильм, и у меня нет копии картины. «Если вы не помните, давайте поставим!» – предложил Валера. Так появилась «Кроткая». А потом я случайно нашел фильм в Санкт-Петербурге, уже после премьеры нашего спектакля. У меня была назначена встреча в центре города. Я пришел чуть раньше – я всегда прихожу чуть раньше, какая бы встреча ни была. Прогуливаюсь по улице и вижу: музей Достоевского! Захожу. В полном одиночестве рассматриваю экспозицию и вижу список видеотеки. А в нем значится мой фильм! Я ворвался к директору, попросил, чтобы мне дали возможность сделать копию картины, сказал, что я ее режиссер. «Кроткую» показывал какой-то пятый канал итальянского телевидения, и сотрудники музея оттуда переписали.

– Ничего не теряется!

– Да, рукописи не горят!

– Ваше участие с «Кроткой» в фестивале «Пять вечеров на Кипре» было очень

Тепло принимали зрители премьеру «Шинели»

успешным.

– Да, спектакль был воспринят прекрасно. Валера Харютченко был замечательный.

– К примеру, известный режиссер, педагог Андрей Галкин, проживающий на Кипре, в фестивальном рейтинге на лучшую мужскую роль назвал именно работу Валерия Харютченко...

– Я думаю, что сегодня он играет даже лучше, чем пятнадцать лет назад. Еще глубже, еще осмысленнее. Мне кажется, чувства, которые он выражает в этом спектакле, очень близки Валере как личности. Полтора десятка лет тому назад это был артист, который очень хорошо исполнял свою роль. С годами, с приобретенным опытом круг мыслей его героя стал ему еще ближе. Я бы сказал, что сегодня Валерий острее чувствует проблемы, затронутые в произведении Достоевского. И поэтому жестче и пронзительнее проживает свою роль.

– Авто, прошло двадцать лет, как вы пришли в Грибоедовский театр. Изменились ли вы за эти годы?

– Думаете, я смогу ответить на этот вопрос? Хотя думаю, я вообще изменился. Не знаю, в лучшую или худшую сторону. Хотелось бы думать, что в лучшую.

– Стали в чем-то глубже, спокойнее, философичнее, одухотвореннее?

– Вы сами сказали! Думаю, двадцать лет – это нормальный период, и человек должен за это время хотя бы успокоиться. Я явно не такой, каким был 20 лет назад. И если сейчас, с моим нынешним умом, опытом вернуть меня в то время, конечно, я много чего не сделал бы.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Стало известно еще об одном успехе грибоедовцев. В немецком Ганновере, на сцене Theatre in der List, в рамках Международного театрального фестиваля MOST Тбилисский театр имени А.С. Грибоедова представил музыкальный спектакль – бенефис Ирины Мегвинетухуцеси в постановке Автандила Варсимашвили «Желтый ангел». Вот как отозвалась об этом бескомпромиссная Нина Мазур – художественный руководитель фестиваля, театровед, театральный критик, драматург, член Германского Совета международного института театра и Международной Ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО): «Спектакль Ирины Мегвинетухуцеси имел огромный успех у ганноверских зрителей. Все прошло великолепно!»

Парижский собор Александра Невского, где А. Ельчанинов служил в последние дни жизни

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«Равнодушие верующих – вещь гораздо более ужасная, чем тот факт, что существуют неверующие... Держись проще и веселее. Христианин вовсе не должен представлять собой какую-то мрачную фигуру, изможденную аскетическими подвигами и служащую укором для других людей. Если даже это у тебя и совсем искренно – все равно – долго так не прожить, и реакция может быть как раз в обратную сторону». Признаем: по таким принципам сегодня живут далеко не все верующие люди. Так что и в наши дни очень актуальны эти мысли, высказанные священником, церковным историком и литератором Александром Ельчаниновым. Одним из тех выдающихся религиозных мыслителей, которых в первой половине прошлого века Грузия

дала России и Церкви. Он жил в эпоху Серебряного века и был в центре культурной жизни Тифлиса, Петербурга, Москвы. А после Октябрьского переворота стал одним из духовных столпов русской диаспоры в эмиграции.

Весной 1881 года в причерноморском городе Николаеве полковой священник 58-го пехотного полка Николай Руднев крестит Александра, второго сына потомственного военного, дворянина, штабс-капитана Виктора Ельчанинова. Мальчику исполняется двенадцать лет, когда умирает его отец, вышедший в отставку подполковником, кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени. И вдова офицера, в девичестве дочь надворного советника Оссовского, переселяется с четырьмя детьми в Тифлис. Живут они очень небогато, пенсия за

скончавшегося кормильца – 48 рублей в месяц. Вместе с двумя младшими братьями Саша поступает во Вторую тифлискую классическую мужскую гимназию. И судьба распорядится так, что у него в одноклассниках – целая плеяда молодых людей, впоследствии вошедших в историю и России, и Грузии.

Двое из них уйдут в большую политику. Сын инженера Лева Розенфельд станет под псевдонимом Каменев одним из большевистских вождей, председателем Совета труда и обороны СССР, главой Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, народным комиссаром внутренней и внешней торговли советского государства. Князя Ираклия Церетели тоже ждет революционное поприще социал-демократа. Но по другую от большевиков сторону

Герб дворянского рода Ельчаниновых

баррикад. Он будет членом II Государственной Думы Российской империи, министром почт и телеграфов во Временном правительстве Александра Керенского, одним из лидеров Грузинской Демократической Республики и членом исполкома II Интернационала. А Миша Асатиани станет основателем научной школы психиатрии в Грузии, одним из первых в Российской империи применит психоаналитическую терапию и предложенный Зигмундом Фрейдом метод восстановления гипнозом причин психической травмы.

Особенно крепкая дружба связывает Сашу Ельчанинова с Павликом Флоренским и Володи Эрном. Первый из них станет выдающимся богословом, религиозным философом и хорошим поэтом. Второй – религиозным мыслителем, историком философии, публицистом. Жизненные пути неразлучной тройцы определяются еще в гимназии, а происходит это благодаря преподавателю истории и древних языков Георгию Гехтману. Родившийся в Кутаиси и окончивший Харьковский университет талантливый педагог создает со старшеклассниками историко-философский кружок, который сами они называют «обществом». И горячо обсуждают в нем важные религиозные, философские и этические вопросы.

Гехтман умеет заинтересовать молодежь, привить ей уме-

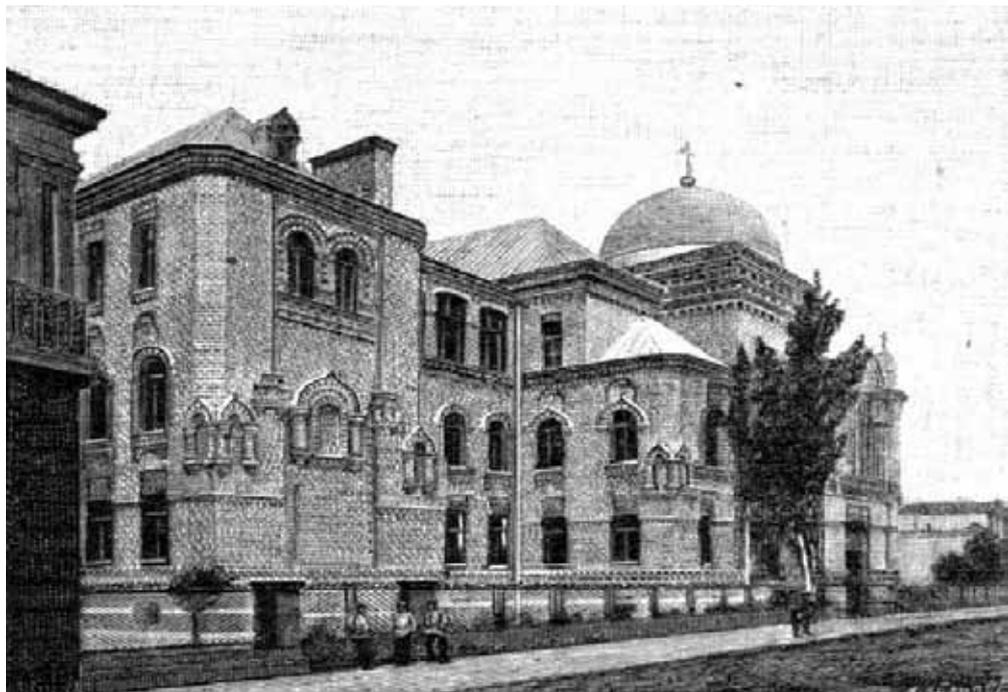
ние анализировать, выделять в проблеме главное. И Флоренский раз за разом записывает в дневнике: «Он человеком оказался очень симпатичным и умным... Он убеждает, покоряет не столько логическими хитросплетениями, сколько непосредственно действуя на чувство... На ученика можно действовать так, как Гехтман, а не колом... Замечательно благотворно действует этот человек. Его душевная ясность, его бодрость и простота невольно подкупают и завораживают». А это – воспоминание Эрна: «Его влияние в смысле возбуждения самостоятельности мысли и интереса к серьезному исследованию – на весь класс было огромно. Пробуждавшаяся мысли он давал обильное содержание, а своей обаятельной личностью давал живое и наиболее убедительное доказательство всей важности и ценности того пути, по которому он шел».

И вот что примечательно: Ельчанинов обретает на занятиях с Гехтманом не только желание по-настоящему заниматься серьезнейшими вопросами человеческого бытия, но и умение общаться с учениками. А таковые появляются у него

самого еще в гимназии: чтобы материально помочь семье, он начинает давать частные уроки ребятам из младших классов. Записи в дневнике Саши: «Я стал заниматься 4-м классом (там классный наставник Гехтман), хочу давать им книги, собрать их и словом, оказывать некоторое влияние при содействии Гехтмана и Эрна... Сегодня говорил с некоторыми учениками 4-го класса относительно общества и журнала, который, быть может, будет при нем. Как будто они сочувствуют этому проекту, и я в восторге. В воскресенье соберемся у меня...»

Друзья поддерживают его. «Был сегодня на конце заседания 2-го класса и др. детей под начальством Ельчанинова, – записывает в дневнике Флоренский. – Дело его очень хорошее... Даже если собрания совсем не будут продолжаться, они оставят достаточные хорошие следы на детях и заставят их стремиться к возобновлению этих собраний так или иначе». Пусть не удивляет вас, что речь идет и о второклассниках. Вспомним, что в гимназию поступали с 8-10 лет, как минимум «умеющие читать и писать по-русски, знающие главные молитвы, из арифметики сло-

Вторая тифлисская мужская гимназия

Гимназист Александр Ельчанинов

жение, вычитание и таблицу умножения». Так что, во втором классе учились отнюдь не малыши. И с ними он тоже с удовольствием работает.

Про одного из них Ельчанинов сообщает Флоренскому: «Карпович будет рассматривать воспитание, отношения с учителями и что дала школьникам школа». Не правда ли, интересная тема для одиннадцатилетнего мальчика? Речь идет о Михаиле Карповиче. Он станет секретарем последнего посла России в США, одним из основателей американской русистики, редактором популярного эмигрантского издания «Новый журнал». Он возглавит отделение славянских языков и литературы в Гарварде, читая лекции и будущему президенту США Джону Кеннеди. И через много лет поделится гимназическими впечатлениями о Ельчанинове:

«Очень скоро после нашей первой встречи он стал значить для меня больше, чем кто бы то ни было другой в семье или школе. Образовалось как бы особое детское содружество «Ельчаниновцев», связанное чувством любви к Саше и преданности ему. Он был воистину нашим наставником, влияние которого пере-

Гимназист Павел Флоренский

шивало, если не исключало, все остальное. Насколько помню, Саше приходилось объясняться с некоторыми из особенно встревоженных родителей. Они не могли понять, почему этот юноша 17-18 лет мог уделять столько времени и внимания детям, с которыми у него, казалось бы, не могло быть ничего общего. Их тревожил самый факт такого сильного влияния на нас со стороны Саши, и они боялись, быть может, как бы это влияние не было использовано им во вред нашему развитию. Сомнения эти быстро рассеялись. Слишком уже очевидна была моральная безупречность нашего друга, искренность его любви к нам и, главное, его необычайная бережливость в обращении с нашими душами».

И еще: «Все самое священное в нашей жизни было связано с ним. Ему можно было сказать о том, чего никому другому не доверил бы. У него можно было искать разрешения разных сомнений и советов в трудных случаях жизни. Его влияние перевешивало, если не исключало, все остальные. Наша привязанность к нему была безгранична, но влиянием своим он пользовался с исключительной осторожностью. Никому ничего никогда не навязыв-

Гимназист Владимир Эрн

вая, он старался только помочь каждому найти правильный путь в ту сторону, куда каждого из нас влекло». Оно и понятно: с «ельчаниновцами» Александр не ограничивается только занятиями, отправляется с ними в походы по окрестностям Тифлиса, обсуждает различные книги, беседует на любые темы, интересующие молодежь.

Идею выпускать гимназический журнал старшекласник Ельчанинов воплощает в жизнь. И, судя по всему, не один раз. В архиве семьи Флоренских сохранилось рекламное объявление: «Вышел журнал «Фонарь просвещения», под редакцией г-на Ельчанинова. Редакция помещается на Великокняжеской улице N 63. Желющие могут писать в журнал». А в другом документе из того же архива «верноподанные издатели журнала «Заря» Борис Ельчанинов (брат Александра – прим. автора) и Павел Цицианов имеют честь подать господину редактору жалобу на одного из сотрудников, литератора Михаила Карповича». Вот и получается, что в 1899-90 годах Ельчанинов выпускал два журнала.

А в гехтмановском кружке-обществе кумиром Саши и его друзей становится один из крупнейших русских философов XIX

Александр Ельчанинов в 1920-е гг.

века, основатель христианской философии, поэт и публицист Владимир Соловьев. Это понятно: разработанный им подход к исследованию духовного мира человека преобладает в российской философии и психологии на рубеже XIX и XX веков. Летом 1900-го Александр Ельчанинов, Павел Флоренский и Владимир Эрн с «золотом» оканчивают гимназию и решают «отправиться к Соловьеву». С именем философа связаны обе российские столицы: он окончил Московский университет, а лекции читал в Петербургском, откуда его вынудили уйти.

Сказано – сделано, три молодых тифлисеца отправляются в Москву. Гимназический аттестат и так дает право на поступление в высшие учебные заведения без экзаменов, а уж с золотыми медалями – подавно. Но в Ростове они узнают, что их кумир после двухнедельной болезни скончался от цирроза печени. И в студенческую жизнь им приходится вступать с идеями Соловьева, но без надежд на встречу с ним. Друзья Ельчанинова поступают в Московский университет: Флоренский – на физико-математический факультет, Эрн – на историко-филологический. Такой же факультет выбирает и Александр, но в Санкт-Петербургском университете.

Учится он блестяще, его оставляют на кафедре, но от научной карьеры он отказывается. Переезжает в Сергиев Посад к Флоренскому, поступает в Московскую духовную академию и в 1905 году становится первым секретарем только что основанного московского Религиозно-философского

общества памяти Владимира Соловьева. Он вообще не думает о сане священника, но его очень интересует духовная жизнь. Однако Академия не оправдывает ожиданий Ельчанинова, он считает, что ее программа носит слишком общий, теоретический характер. По словам его дочери Марии Струве, «там он мало находил того, что искал в Церкви, для него был очень важен живой подход, а не школьное богословие». И через полтора года он прекращает учебу, желая заняться практической деятельностью именно в те годы, которые назовут «эпохой духовного возрождения».

Ельчанинов участвует в работе нелегального Христианского братства борьбы (ХББ), которое основали его друг Эрн и настоятель московского храма Николая Чудотворца на Ильинке, публицист Валентин Свенцицкий. Молодому человеку, ненавидящему любую косность, импонируют цели этой организации – приблизить общественное устройство к евангельскому идеалу, ввести выборное начало в Церкви, сделать ее независимой от государства. Цели, прямо скажем, трудновыполнимые. Но Александра это не пугает. Он становится редактором-издателем газет ХББ и читает рабочим лекции о Евангелии, за что его даже штрафует полиция, заподозрившая горячего оратора в политической неблагонадежности. Это не останавливает просветительскую деятельность Ельчанинова, он – один из организаторов и член редакции «Религиозно-общественной библиотеки», которая с 1906 года выпускает серии популярных брошюр для интеллигенции и народа,

Тамара Ельчанинова-Левандовская

Свято-Николаевский собор в Ницце

переводит иностранных авторов, пишущих о взаимоотношениях Церкви и общества. Конечно, там публикуются и его сочинения.

На такие сложные темы, как религия, философия, общественное устройство, он пишет интересно и доходчиво. И неслучайно еще в студенческие годы сближается со знаковыми фигурами Серебряного века – Андреем Белым, Валерием Брюсовым, Константином Бальмонтом, Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гиппиус, Александром Блоком, Вячеславом Ивановым. И печатается не только в религиозно-философском публицистическом журнале «Новый путь», но и в основном органе русского символизма «Весы». «А. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой и особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать бесконечные творческие беседы», – вспоминает философ и богослов, бывший депутат II Государственной Думы, священник Сергей Булгаков, который в эмиграции стал духовным отцом Ельчанинова.

А в 1911-м приходит извещение о необходимости «отбыть воинскую повинность». Правда, в ставшем ему родным Тифлисе. Как он служил, пока не известно. Но продолжалось это всего год, и, сняв военную форму, Ельчанинов читает циклы лекций: по истории религий на Тифлиских

высших женских курсах, а в частном порядке – о новой русской религиозно-философской мысли, многих представителей которой знал лично. А потом получает предложение, от которого ему просто нельзя отказаться.

Дело в том, что в 1910 году участник русско-японской войны, штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем войсками Закавказского военного округа полковник Владимир Левандовский вместе с женой основывает в тифлисском районе Верэ уникальное учебное заведение. Его сложное название полностью звучит так: «Частная шестиклассная прогимназия В. А. Левандовского с совместным обучением мальчиков и девочек и с правами казенных прогимназий для мальчиков и при ней частное учебное заведение с детским садом В. С. Левандовской». А уникально оно тем, что было первым в России учебным заведением со смешанным обучением. И, несмотря на то, что основал его офицер, никакой муштры там не было, напротив, старшие поколения тбилисцев вспоминали эту гимназию как «школу радости, творчества и свободы». Недаром Левандовский еще и заведовал библиотекой офицеров Генерального штаба округа.

И вот именно этот человек приглашает Ельчанинова к себе. Тот с радостью соглашается и целых восемь лет, до закрытия гимназии, преподает в ней историю. А с 1924-го и вовсе становится

ее директором. Вспоминает его ученица Милица Лаврова, ставшая в эмиграции доктором медицины и женой философа-богослова Николая Зернова: «Эта гимназия привлекала в свои стены самых талантливых преподавателей, но А. В. Ельчанинов был среди них исключительным и несравнимым. Его преподавание более чем что-либо иное в гимназии осуществляло ее основную идею – школу радости, творчества и свободы. Оно не укладывалось ни в какую систему и перерастало всякую программу. Это время полно для нас, учеников О. Александра, яркими личными воспоминаниями, овеяно очарованием прежде всего личности нашего учителя».

В гимназии Левандовского у Александра Викторовича те же отношения с учениками, что и с «ельчаниновцами» во Второй гимназии: походы, доверительные беседы, обсуждение любых жизненных тем и интересных книг. Он постоянно переписывается с Эрном и Флоренским, которому в конце 1916 года отправляет и такое письмо: «Милый Павлуша, у меня к тебе большая просьба. В этом году кончила у нас гимназию и поехала в Москву дочь генерала Левандовского Тамара Владимировна, моя любимая ученица, православная христианка, о душевных качествах ты сам будешь судить, а я умоляю тебя принять ее, когда она приедет в Посад, как меня самого: тебя она хорошо знает по «Столпу» и моим рассказам. Она человек редкой, фантастической правдивости, но застенчива и самолюбива, но Анна Мих. (супруга Флоренского – В.Г.) и ты сможете добраться до ее души. Для начала расспроси ее обо мне...»

А в другом письме Ельчанинов сообщает друзьям главное: Тамара Левандовская для него не только любимая ученица, но и любимая девушка. Вскоре она становится его женой, а спустя десятилетия напишет: «В начале 17 года я была в Москве и, по желанию моего будущего мужа, была в Посаде у Павла. Он был необыкновенно внимателен и мил ко мне, много рассказывал и расспрашивал, водил показывать Посад и я, по молодости лет, вообразила, что мое общество ему так интересно. Но потом выяснилось, что мой буд. муж не сдержал данного мне обещания и написал Павлу и другому своему другу Вл. Эрну о том, что я его невеста».

Но начинаются 1920-е, в Грузию приходит советская власть. Тесть Ельчанинова, уже генерал-майор, бывший начальник штаба Кавказского фронта, награжденный на Первой мировой войне Георгиевским оружием, эту власть не принимает. Но и барону Врангелю, предложившему ему вступить в Белую Армию, отказывает: «Со своим народом не воюю!». Его судьба могла бы сложиться трагически, но генералу везет – его «все-навсего» высылают. И он становится... садовником. На юге Франции, а потом в США.

А семья Ельчанинова, в которой уже растут дочь Наталья и сын Кирилл, живет впроголодь – прогрессивный педагог, к тому же теолог, со-

Ельчанинов работает в своем саду

ветской власти не нужен. «Первым словом моей сестры было: «хлеба», – делится Мария Струве, родившаяся уже в изгнании. – И вот, когда она стала голодать, а ей был год и два месяца, родные испугались, думали поехать к бабушке на годик. И оказались во Франции навсегда. Отец работал на земле, и моя трехлетняя сестра собирала весь день апельсины в ведра». К этому надо добавить: главная причина эмиграции и в том, что Ельчанинов не принимает насилия и несправедливости, а тем более, со стороны властей. И проходит с семьей традиционный печальный путь многих русских интеллигентов-изгнанников: морской порт (у него – Батуми) – Константинополь – Франция.

В Ницце Александр Викторович занимается сельским хозяйством, но город переполнен эмигрантами, и Ельчанинов во французском лицее преподает им родной язык и историю. А потом его увлекает Русское студенческое христианское движение (РСХД). Цель этого религиозно-просветительского объединения – воспитание в молодежи целостного христианского мировоззрения и «подготовка проповедников в условиях распространяющихся материализма и атеизма». Оно объединяет кружки не только молодежи, но и творческой интеллигенции. Его девиз: «Мы абсолютно свободны, мы не зависим ни от кого, ни от какого государства, ни от каких властей. Мы зависим только от своей веры и от самих себя». По свидетельству современников, «все, что было замечательного в Церкви, было в движении». И, побывав на съездах РСХД в Берлине, Праге и

Отец Александр Ельчанинов

Париже, педагог в 1926 году принимает решение: он станет священником.

Он не только ведет службу в Свято-Николаевском соборе Ниццы, но и привлекает людей вне церкви. Вспоминает его дочь Мария: «В Ницце, на горку, где мы жили, к нему приходили и дети, и взрослые, люди шли и шли. С ними он занимался абсолютно добровольно. Как священнику ему не платили, хотя исповедовал он целыми ночами, а в Ницце был богатый приход... Были люди, которые высчитывали, сколько за панихиду, сколько за то, сколько за это. Немного мертвое церковное царство. И это при том, что в Ниццу через юг, через Марсель, приезжало много интеллигенции, собор был набит битком на службах. Но христианская мертвечина отца отталкивала. Для него вера была вопросом жизни. У нас собирались молодежные кружки, велись богословские разговоры. Пели, голос у отца был тихий, но верный... И так почти каждый вечер».

Его маленький домик всегда забит людьми. «Очень тесно

жили, у отца фактически никогда не было кабинета, он умел сосредоточиться в любой атмосфере. Работал в огороде, очень это любил, или сидел за своим письменным столом. А если к нему приходила молодежь, то шел с ними гулять в лес, наш сад оканчивался лесом... – Приходили поговорить... Не было объявлений о сборе кружка в

переживший зятя на 12 лет, так сказал о нем: «Разве был в нем хоть малейший признак старости? – он не только оставался все тем же, но становился как будто все моложе и моложе душой. Да даже физически – разве можно было сказать, что это человек уже перешедший за 50 лет тяжелой трудовой жизни, всегда переполненной непо-

На этом кладбище в Медоне покоится А. Ельчанинов

такой-то час. Люди постоянно тянулись к нему... Он работал в саду, перекопал весь и нашел в земле мраморные античные куски от ворот. Еще в России он строил планы о том, какую школу можно устроить для детей, хотел, чтобы были и занятия на земле, и с животными, и греческий, и латинский, и литература. Сохранился ее проект».

Протоиерей Ельчанинов оказывается в руководстве РСХД и становится одной из самых духовно востребованных личностей в русской диаспоре не только Ниццы, но и всей Франции. И в 1934-м получает назначение в кафедральный Александро-Невский собор Парижа. Увы, прослужил он там всего неделю – прободение язвы желудка вызвало внутреннее осложнение... Он ушел в 53 года, похоронили его в облюбованном русскими беженцами городке Медон между Парижем и Версалем. Генерал Левандовский,

сильной работой, ни на минуту не отвлекавшей его от постоянного внутреннего горения».

Александр Ельчанинов не успел написать книг. Но они все-таки вышли после его смерти – составленные из записок, писем, заметок и дневника – под названиями «Записки» и «Православие для многих». Их так и хочется разобрать на мудрые цитаты, но здесь вспомним лишь еще одну. Тоже актуальнейшую в наше время: «Осуждением занята вся наша жизнь. Мы не щадим чужого имени, мы легкомысленно, часто даже без злобы, осуждаем и клеветаем – почти уже по привычке. Как осенние листья – шуршат и падают и гниют, отравляя воздух, так и осуждения разрушают всякое дело, создают обстановку недоверия и злобы, губят наши души». Задумайся над этим, читатель.

«Мачеха Саманишвили»

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Первые месяцы наступившего года порадовали столичными премьерами на сценах Свободного театра и Театра Королевского квартала.

■ «МАЧЕХА САМАНИШВИЛИ»

Сегодня никого не удивляет вольное обращение режиссеров с литературным материалом. Пусть у кого-то это и вызывает осуждение, однако большинство зрителей не находит в этом ничего предосудительного – привыкли! Правда, при условии, что авторская интерпретация не разрушает сути и приближает классические тексты к сегодняшнему зрителю и новой реальности. На сцене Свободного театра состоялась премьера спектакля Гоги Маргвелашвили «Мачеха Саманишвили», в основе которого – одноименная повесть яркого представителя критического реализма Давида Клдиашвили. Произведение вышло в свет в 1896 году и отражает упадок грузинского дворянства в эпоху становления капитализма.

Г. Маргвелашвили поставил спектакль о другом «упадке» – кризисе духовности в современном обществе. Поэтому перенес события повести в сегодняшние реалии (инсценировка А. Кокрашвили) и осуществил свою задачу так органично, что зритель, не знакомый с произведением Д. Клдиашвили, даже не догадается о том, что в оригинале события разворачиваются в конце XIX века. Коллизии «Мачехи Саманишвили», взаимоотношения персонажей повести до предела обострены. Но режиссер в своей трактовке идет гораздо дальше, усилив, расширив конфликт. Сатирический пафос перерастает в сарказм – то есть в высшую степень иронии, язвительного изобличения людей, их пороков и недостатков. А трагический финал спектакля воспринимается

как предостережение: «Люди, остановитесь! Иначе быть беде...».

Духовные, семейно-нравственные ценности в обстоятельствах, их разрушающих, – эта тема была всегда в фокусе особого, пристального интереса режиссера Гоги Маргвелашвили. Герои его спектаклей стоят перед жестким выбором, проходят через испытание на порядочность, благородство, способность к любви, пониманию и состраданию. Как персонажи «Старшего сына», поставленного режиссером на сцене театра имени А.С. Грибоедова. Герои Вампилова приходят к выводу, что нет ничего ценнее семейных уз и добрых человеческих отношений, но в спектакле Маргвелашвили все не так однозначно – семья отнюдь не идеализируется, она не спасает человека от одиночества и не является гарантом его счастья. А в новой его постановке – «Мачеха Саманишвили» семейно-родственные отношения и вовсе разрушены – и их могильщиком становятся меркантильные интересы, вездесущие деньги. Впрочем, борьба за материальное благополучие разрушает не только

семейные связи, но и вообще отношения между людьми. Потому что калечит человеческие души. Именно это происходит с шулерами из «грибоедовского» спектакля Маргвелашвили «Игроки» Гоголя, ради наживы готовыми пойти на все и руководствующимися собственной философией жизни. Так, герой спектакля Утешительный считает, что «в игре нет лицепрятая. Игра не смотрит ни на что.

Пусть отец сядет со мною в карты – я обыграю отца».

Действие нового спектакля Маргвелашвили вписано в минималистическую сценографию (художник Тео Кухианидзе). Тем более выпуклыми и графически вычерченными на этом фоне выглядят портреты персонажей. Беспощадно правдивые, не оставляющие иллюзий. Разящие стрелы сатиры бьют без промаха!

Платона, сына Саманишвили, задумавшего найти своему отцу Бекинэ (небольшая, но емкая работа Аполлона Кублашили) пожилую нерожавшую невесту, которая не могла бы произвести на свет ребенка, а значит, претендовать на часть фамильного наследства, играет Лаша Гургенидзе – хочется отметить профессиональный рост молодого актера. Это уже «не мальчик, но муж» – именно такую метаморфозу претерпел его талант. Платон Саманишвили – зрелая актерская работа. Гургенидзе не стремится подчеркнуть отрицательные черты своего незадачливого героя. Даже относится к нему с известным сочувствием: ничего не поделаешь – слаб человек! Показывает отягощенность Платона черными думами, словно на его плечах действительно многотонный груз. Груз греха. В одной из сцен он все время извиняется – возможно, потому, что в глубине души чувствует, что совершает что-то неправильное. Но справиться с этим не может: таковы обстоятельства его глубоко зависимой жизни!

Как не может перебороть свою безалаберную натуру профессиональный кутила Кирилэ – муж сестры Платона. «Пьяные» сцены с его участием смешат публику – актер Джаба Киладзе демонстрирует яркое комедийное мастерство. В то же время мы осознаем никчемность этого прожигателя жизни, заливающего алкоголем пустоту своего существования.

Еще один яркий мужской

портрет: шкодливый, юркий сводник Аристо (Шако Мирианшвили), племянник будущей «мачехи Саманишвили», вдовы Элене. Интересно наблюдать за игрой актера. Его персонаж, имеющий весьма приблизительное представление о моральных принципах, вьюном вьется вокруг Платона, завлекая его в искусно расставленные сети – рекламирует Элене в качестве идеальной мачехи. Им движет, разумеется, все тот же корыстный интерес. Как и еще одним молчаливым родственником этой женщины, озабоченным тем, как бы побыстрее сбыть ее с рук. Актер Мамука Мумладзе показывает бездушие своего героя (запомнилась сцена тупого лужанья семечек за столом с непроницаемым выражением лица!), тоже готового на все ради выгоды. Он появляется на сцене с топором в руке – демонстрация силы, скрытая угроза. Вооружен и очень опасен. На всякий случай.

Так же далеки от идеала подруги жизни Платона и Кирилэ. Супругу Платона Мелано играет Ани Аладашвили, подчеркивающая суетливое беспокойство своей героини, ее «куриную» озабоченность будущим детей в случае, если на свет появится еще один наследник. Отметим и яркую характерность образа сестры Платона Дарико – жеманной и бездушной «фифы». Ее играет Мариам Джологуа. Узнав о беременности новой жены отца Элене (Кета Лордкипанидзе), Дарико бесстрастно и бесстыдно рассуждает о том, что ребенка может в один прекрасный день и не стать... мало ли что случается в жизни! Сегодня беременность есть – завтра нет.

В итоге несчастье действительно происходит – но не с новорожденным, а с его отцом. Когда «на радостях» пальнув из пистолета в ознаменование рождения ребенка, Платон убивает отца. Случайно. Такого финала нет у Квдиашвили, но, наш

«Мачеха Саманишвили»

«Дуэль»

взгляд, он вполне допустим и ожидаем. «Ружье» ненависти должно было выстрелить. И только это могло остановить безудержный накат зла. Финал: позднее раскаяние Платона перед иконой... Но изменило ли это ситуацию? Нет. Овдовевшая Элене с новорожденным покидает дом Саманишвили – ради новой партии, которую присмотрел ее шустрый племянник.

«ДУЭЛЬ»

Темур Чхеидзе поставил чеховскую «Дуэль» в Театре Королевского квартала и сосредоточил свое внимание на философско-нравственной проблематике, на глубоком антагонизме, непримиримых противоречиях, существующих между героями. При этом он воспользовался «скальпелем» и «увеличительным стеклом» художника-исследователя. Аналитический метод, взгляд мыслителя-философа, изучающего вместе с автором все аргументы pro et contra, вообще свойствен режиссеру Темуру Чхеидзе, которому более всего интересен человек и его миро-

созерцание. Чеховская «Дуэль» дает прекрасную возможность для осуществления этой творческой задачи.

Бытует прочно укоренившееся в сознании театроведов мнение, что Чехов противопоставлен грузинскому театру. Спектакль Чхеидзе доказывает обратное. Актеры (вместе со зрителями) чутко реагируют на чеховское слово, точно выражают логику чувств, мыслей, поступков своих персонажей, строго выстроенную режиссером. В итоге нам раскрываются метафизика и гуманистический посыл произведения, духовные искания чеховских героев.

В спектакле задействованы все элементы традиционного театра Антона Павловича – создана соответствующая среда с обстановкой дворянской усадьбы XIX века (художник Георгий Алекси-Месхишвили), с самоваром и чаепитием, с уютным абажуром, со старинным групповым фото, со звуками моря, дождя и стрекотом цикад, наконец, с русской музыкой. А главное – со страстным поиском правды, национальной русской тоской и

безысходностью...

Большинство важнейших монологов и диалогов вынесены в спектакле к зрителям – персонажи, сидя на ступеньках, смотрят в зал и размышляют о смысле жизни, страстно спорят, доказывая свою правоту. Это своего рода лобное место. Здесь Лаевский – Торнике Гогричиани произносит свой монолог перед дуэлью с фон Кореном – ожидая гибели, он пересматривает свою жизнь, в нем происходит переоценка ценностей. Тут же дискутируют фон Корен и дьякон – о любви, о вере и безверии. Первый отстаивает свои позитивистские взгляды («Нравственный закон требует, чтобы вы любили людей. Что ж? Любовь должна заключаться в устранении всего того, что так или иначе вредит людям и угрожает им опасностью в настоящем и будущем. Наши знания и очевидность говорят вам, что человечеству грозит опасность со стороны нравственно и физически ненормальных. Если так, то боритесь с ненормальными. Если вы не в силах возвысить их до нормы, то у вас хватит силы и

«Дуэль»

уменья обезвредить их, то есть уничтожить»), второй – христианские («Вера без дел мертва есть, а дела без веры – еще хуже, одна только трата времени, и больше ничего!»). На том же месте беседуют христианин и мусульманин – о едином боге! «Бог у всех один, а только люди разные. Которые русские, которые турки или которые англичане – всяких людей много, а бог один», – говорит татарин Кербалай.

На наш взгляд, Темур Чхеидзе поставил спектакль о необходимости взаимной терпимости, любви, добра и милосердия по отношению ко всякому человеку. Сильному и слабому, добродетельному и грешному. «И милость к падшим призывал» – думается, этот посыл как нельзя лучше отражает позицию режиссера. Все мы едины перед

Богом, кто бы мы ни были, какие бы взгляды ни выражали, к чему бы ни стремились, чем бы ни терзались наши души.

При том, что в спектакле – как и в повести А. Чехова – нет положительных и отрицательных героев. Все – грешники, алчущие истины.

В роли фон Корена – замечательный актер Ника Тавадзе. Он создает образ надменного, жесткого интеллектуала, которому тем не менее свойственна, если так можно выразиться, скрытая страстность. У него всегда прямая спина и самоуверенный тон, не терпящий возражений. Интересное режиссерское решение: фон Корен – Тавадзе ведет диалог с Самойленко (Алеко Махароблишвили), находясь на «вершине» лестницы и оттуда изрекая свои незыблемые «сухие» максимы.

Что еще раз подчеркивает его высокомерие и нетерпимость. Выдержка только один раз изменяет Корену – сразу после выстрела на дуэли, когда он чудом избежал убийства. Хотя до этого испытывал острую потребность расквитаться с Лаевским. Потому что из-за таких, как он, людей «цивилизация погибнет». Но, оказывается, не так-то легко убить человека, даже если ты преисполнен веры в «свою истину».

Лаевский в ярком исполнении Торнике Гогричани импульсивен, легко возбудим. Это типичный неврастеник, живущий эмоциями, что выражается, в том числе, в его активной жестикуляции и возбужденной речи. Однако перед дуэлью Лаевский ведет себя иначе: сидит неподвижно, «нахохлившись» как больная птица. Будто ждет приговора... то есть, последней точки в своей неправильной жизни – жизни, полной лжи.

Поединок решительно меняет обоих. В Корене проявляется человечность, в Лаевском тоже происходит перелом – он, по сути, преодолевает личностный кризис.

Молодой актрисе Кети Шатиришвили удается передать драму и смятение своей героини – Надежды Федоровны. Порочной и в то же время чистой женщины, охваченной ужасом перед грядущим.

Щемящее чувство оставляет последняя встреча фон Корена с Лаевским и его женой. Теперь это не антиподы, не непримиримые антагонисты, а просто люди. В фон Корене уже нет надменности всегда правого и безгрешного человека, в нем ощущается какая-то уязвимость, надлом. Уязвимость одинокого человека, уходящего куда-то в неизвестность. Чем будущее ответит на его надежды и стремления? Еще более уязвимыми, хрупкими и больными кажутся Лаевский и Надя... Как хрупки на самом деле люди на земле и как остро они нуждаются в любви и сострадании!

Нана Гонгадзе на презентации своей книги

СЧАСТЬЕ НА ЛАДОНИ

■ **НИНА ШАДУРИ**

Нану Гонгадзе представлять нашим читателям не надо – она была одной из самых известных советских журналисток, работала диктором и корреспондентом на Первом канале грузинского телевидения, собкором программы «Время» в Грузии. В 1993 г. Нана покинула программу «Время». Уехав в США, она сохранила профессию: стала корреспондентом русско-американского телевидения WMNB, работала в передаче «Добрый вечер, Америка», информационной программе «Пульс планеты», готовила и вела еженедельную радиопрограмму «Эртоба» на грузинском языке, была сотрудником редакции русской службы «Голоса Америки». Освещала заседания Генеральной ассамблеи ООН, предвыборные президентские кампании, была аккредитованным журналистом в Белом доме, Конгрессе США, Центре зарубежной прессы в Вашингтоне, Пентагоне, видеожурналистом департамента «Vice of America Eurodivision» и телевизионной компании «Global Village Communication». Удостоена специальной награды Международного бюро вещания США. Сегодня Нана Гонгадзе – независимый продюсер, снимает ав-

торские документальные фильмы. Презентация одного из них (вместе с книгой) недавно состоялась в Доме писателей Грузии. «Жизнь на пуантах» – так называется проект, посвященный выдающейся балерине XX века Тамаре Тумановой (Туманишвили), известной в мировом балете под именем «Черная жемчужина».

– Давайте для начала подведем итоги вашего приезда в Грузию. Чем были заполнены эти дни, что особенно запомнилось, что порадовало?

– Порадовала погода, светило солнышко, было тепло. Я боялась холода, снега, ветра, а попала в настоящую весну. Порадовало, что презентация прошла очень успешно. Знаете, я немного волновалась, думала, что зал Дома писателей не заполнится, а произошло наоборот – некоторым даже пришлось весь вечер стоять на ногах. Я пригласила тех, с кем довелось пересекаться и в средней школе, и в Тбилиском университете, и в Доме моделей Грузии и в Государственном ансамбле народного танца Грузии под руководством Нино Рамишвили и Илико Сухишвили. Пришли мои друзья, сегодня

уже светила в мире грузинского балета. Пришли те, с кем я более 20-ти лет бок о бок проработала на телевидении Грузии, известные на сегодняшний день операторы, режиссеры, продюсеры. Естественно, не обошлось без родственников и соседей. Я хочу выразить искреннюю благодарность сопредседателю Дома писателей Грузии Маквале Гонашвили за помощь и поддержку в проведении вечера.

– Как вас встречали? Ведь столько лет прошло...

– Меня буквально завалили букетами, корзинами цветов, обнимали, целовали и говорили, как по мне соскучились. Это было невероятно приятно! Когда я представляла фильм, беседовала с залом, то на меня глядели такие радостные и счастливые глаза, каких давно не увидишь в Тбилиси, перенесшем столько потрясений и бед. И тогда подумалось, что мне действительно стоило приехать за тысячи километров в город моего детства и юности, если я смогла устроить людям хоть и небольшой, но все же праздник для души. До начала фильма я объяснила, чему посвящен вечер и вообще мой приезд в Грузию: «Сегодня мы празднуем 100-летие Тамары Тумановой, ведь именно сегодня день ее рождения по старому стилю!» Зал буквально взорвался аплодисментами, все были в полном восторге. Моя племянница Тина Беручашвили, которая и организовала весь этот вечер, даже заказала торт с изображением фигуры великой балерины и названием моей книги! Но это было уже после презентации, во время праздничного фуршета, под аккомпанемент замечательного камерного трио. Приятные воспоминания остались у меня и от посещения студии «Пионерфильм» во Дворце молодежи, которой руководит опытный телевизионщик Григорий Чигогидзе. Меня приняли в почетные члены «Пионер-фильма»! Кстати, мой интерес к кинематографу проявился лет в 14, когда я прочла «Всеобщую историю кино» Жоржа Садуля и начала посещать кружок при «Пионер-фильме», который вел Гулбат Абелишвили. Так что меня неспроста пригласили в гости юные киношники и

Тамара Туманова

журналисты. Вообще, я считаю, что дети обязательно должны заниматься в различных кружках. Душевной оказалась встреча с директором Музея эмиграции в Тбилиси Русудан Кобахидзе. Я передала в дар музею и книгу, и все мои документальные фильмы, начиная с «Дочери Маяковского» и заканчивая картиной «Жизнь на пуантах».

– Чем вас так покорила Тамара Туманова?

– В первую очередь тем, что в ее жилах текла грузинская кровь. Думаю, это обусловлено тем обстоятельством, что грузин осталось уже очень мало, и поэтому если за рубежом обнаруживаешь соотечественника, хочется узнать о нем побольше и поделиться с другими. Мы ничего не знали о Тамаре Тумановой. Ей было запрещено бывать в СССР, на ее имя было наложено табу. Безусловно, меня привлекли ее красота, талант, трудолюбие, целеустремленность. Я совершенно случайно обнаружила ее фотографию, когда брала интервью для русско-американского телевидения WMNB у ее бывшего партнера, легенды балета Олега Брянского, бывшего танцора Лондонского фестивального балета. Это было в 1995 году. Балерина была жива, мы позвонили ей, но Тамару уже увезли в госпиталь, откуда она не вернулась. Интервью Олега я положила на полку и попрощалась с иде-

ей сделать программу о Тумановой. Потом я занималась своим становлением, карьерой. На заслуженный отдых вышла в 2008 году, сразу же после пятидневной августовской войны. Я приобрела технику, оборудовала студию, и началось мое самостоятельное производство документальных фильмов. Первой работой стала картина о дочери Маяковского, премьера которой состоялась в Грузии, на Международном поэтическом фестивале «Русского клуба» «Во весь голос». За ней последовали другие, в том числе и фильм о Тамаре Тумановой.

– Как началась и складывалась работа над книгой и фильмом?

– Дело в том, что у фильма – ограниченный хронометраж, в который надо уместиться, а у книги – неограниченный формат. Что мне было делать с уникальным материалом, накопленным в результате моих исследований? Опыта написания книг у меня не было, но мне помогла Нино Надарая, научный сотрудник Государственного музея искусств Грузии. Она ввела меня в курс дела, и работа пошла легко. В книгу, по сравнению с фильмом, вошли более обширные интервью. На экране появляются партнеры Тамары, те, с кем она танцевала и в балете Монте-Карло, и во время своих многочисленных гастролей. Помимо уже упомянутого Олега Брянского, в городе Бока Ратон, во Флориде, я нашла Николая Положенко, еще одного партнера Тамары. Позднее, совершенно случайно, обнаружила в Нью-Йорке 94-летнюю балерину Бетти Лоу, она танцевала с Тамарой в труппе русского балета Монте-Карло. Это была редкая удача, тем более, что Бетти обладала необыкновенной памятью, все помнила до мельчайших подробностей. Но самое интересное и непредвиденное произошло в Лос-Анджелесе, где при помощи импресарио Михаила Барского я нашла родственницу Тамары, грузинскую пианистку Маргариту Чхеидзе. Ну и как можно было обойтись без интервью нашей звезды Нино Ананишвили? Она лично встречалась с Тумановой и даже получила подарок от великой балерины – жемчужную брошь на счастье. Когда у меня

накопилось достаточно материала, я связалась с Фондом Балачина в Нью-Йорке – мне нужен был эксперт в области балета. Узнав о моем проекте, директор по исследованиям Фонда Балачина Нэнси Рейнольдс сама приехала ко мне на интервью в Вашингтон, а впоследствии руководила моей работой и давала советы.

– Расскажите о других фильмах, которые вы сняли.

– Как я уже сказала, я сделала фильм об американской дочери Маяковского Хелен Патрисии Томсон – Елене Владимировне Маяковской, которая на протяжении 60-ти лет хранила тайну своего рождения. Я была одной из первых, кто снимал ее на видео. Знаете, узнав, что я из Грузии, она поселила меня в своей нью-йоркской квартире и даже уступила спальню своей матери, где все стены были увешаны рисунками Маяковского и известного русского футуриста Давида Бурлюка. Интересной получилась картина о Давиде Чавчавадзе, потомке последнего грузинского царя Георгия XII и русского императора Николая. Давид более 40 лет работал в ЦРУ и написал об этом книгу. В фильме подробно рассказано о его семье, детях, своими воспоминаниями делаются его друзья. Давид отличался прекрасным слухом, был наделен хорошим голосом – в фильме он поет несколько песен, которым его научили советские пилоты на Аляске в годы Второй мировой войны. Я рада, что успела запечатлеть его на пленке. Тогда ему было 85 лет.

– Если ли среди ваших фильмов самый любимый?

– Самый любимый – отрывок из фильма «Сталинская мозаика» о том, как снимался фильм «Падение Берлина» Михаила Chiaureli. Дочь режиссера, выдающаяся грузинская актриса Софико Chiaureli вспоминает актера Михаила Геловани, исполнявшего роль Сталина, и разные истории, связанные с ним. Интересны, на мой взгляд, интервью с внучкой Сталина, Галиной Джугашвили, и с дочерью бессменного секретаря Сталина, Натальей Поскребышевой. Я снимала их в 1997 году, и эти пленки тоже

лежали на полке – не было времени ими заняться, ведь в Америке надо работать.

– Сняли ли вы фильм об истории грузинской моды, как собирались?

– Представьте себе, да, в Тбилиси, во время моего предыдущего приезда. Толчком послужила вывеска банка на здании Дома моделей Грузии, расположенном на бывшей площади Воронцова. Оказалось, что банк приобрел весь первый этаж, где с 1949-го по 1990-е годы располагался центр грузинской моды. К этому времени уже появилась книга бывшего главного художника Дома моделей, Лели Хведелидзе. Я посетила ее дом, мы нашли ее награды, журналы. Так что каким-то образом удалось отдать дань памяти человеку, полвека посвятившему делу развития грузинской моды. За три дня я обошла дома бывших коллег, грузинских манекенщиц, и снимала их прямо с руки на мою малюсенькую камеру. Когда я была у Деи Джабуа, бывшей нашей модели, сейчас – известной художницы, она даже не догадалась, что я ее снимаю, поэтому все получилось очень естественно. В фильме участвует бывший директор Дома моделей Юрий Гоголадзе, технолог одежды Медея Бочоришвили, модельер Юза Нацвлишвили, модель и актер Зураб Кипшидзе, актриса Манана Абазадзе, модели Анита Акимова, Наталья Самадалашвили и другие.

– Несколько лет назад вы сетовали, что «на телевидении – сплошные игры, лотереи, шоу. У нас нет образовательного канала, нет канала о культуре». Прошли годы, но ситуация не меняется. Может, пора вмешаться?

– Нина, вы преувеличиваете мои возможности! Скажу честно – я больше не смотрю грузинское телевидение. Иногда в Интернете или на страничках фейсбука открываю запись той или иной программы. Хотелось бы отметить, что нынешнее поколение журналистов намного раскованнее нас, они отлично работают в прямом эфире. На нашем телевидении уже существуют передачи журналистского расследования, это

На презентации

шаг вперед. И потом, у грузинских телезрителей огромный выбор как зарубежных, так и российских каналов. Значительная часть молодежи свободно владеет английским и русским языками. Главное – найти программу по вкусу и не смотреть всякую чушь.

– Нана, если бы вам разрешили изменить только одну вещь в мире, что бы это было?

– Я бы восстановила территорию Грузии в тех границах, в каких она была в период правления царицы Тамары, с населением в 12 миллионов грузин. Или же в тех пределах, в каких она находилась в период Советского Союза. Я бы вернула нашей столице ее привычный вид – без уродливых небоскребов и серых безликих высоток.

– За что вы больше всего благодарны этой жизни?

– За все. И за плохое, и за хорошее, что было в моей жизни. Вообще, по натуре я – благодарный человек, всегда замечаю хорошее и плачу тем же. Стараюсь добром отвечать и тем, кто невзначай меня унизил, обидел либо огорчил. Такое ведь тоже бывает: Благодарна судьбе за красивую дочь Лику, за то, что вырастила и воспитала внуков Тину и Луку порядочными, образованными и уже независимыми личностями. Благодарна за заботливого мужа Фрэнка. Благодарна, что здесь, в Америке, оценили мои 20 лет труда на грузинском телевидении и сохранили мне профессию. Спасибо этой стране, что научила меня правильно жить, думать, придала

уверенности в себе, в собственных силах.

– Если бы вы могли дать ребенку только один совет на всю жизнь, что бы вы сказали?

– Ничего не бойся, будь храбрым и иди только вперед!

– Чем сегодня заполнена ваша жизнь? Что делает вас счастливым?

– Сегодня моя жизнь заполнена домом, семьей. Наконец-то у меня есть достаточно времени, и я никуда не спешу. Иногда наслаждаюсь ничегонеделанием, люблю перечитывать старые книги. Кстати, я привезла из Тбилиси всю мою библиотеку. Сейчас в Вашингтоне очень красивая пора, цветут вишневые деревья, весь город покрыт цветочным ковром, вот и наслаждаюсь красотой природы. Стала больше времени уделять кухне. Оказывается, у меня все очень хорошо получается – и обед, и печеное, и даже соленья. Но должна признаться, что печь хачапури я так и не научилась. А если говорить о счастье, то, думаю, мы сами являемся источником своего счастья, и оно в большой степени зависит от нас самих. Ведь гласит же русская пословица, что человек –сам кузнец своего счастья. Поэтому стараюсь смотреть на жизнь с положительной стороны, не злиться, не завидовать, избегать отрицательных эмоций. И, естественно, всегда помню, что счастье капризно и непредсказуемо. Когда пытаешься его поймать, оно ускользает, но стоит отвлечься, счастье само опускается на вашу ладонь.

Иванэ Курасбедиани

«ТЕАТР ГРИБОЕДОВА ДЛЯ МЕНЯ – ГЛАВНОЕ»

В 2005 году Иванэ Курасбедиани окончил Грузинский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели и сразу же был принят в труппу театра Грибоедова. Первой ролью выпускника стал бессловесный сержант Лимончик в «Чиполлино». А потом он начал репетировать в спектакле Автандила Варсимашвили «Мастер и Маргарита».

Прошло почти 15 лет, и сейчас в послужном списке артиста такие разные роли, как сержант Троттер («Английский детектив» А.Кристи), Эммануэле Гири («Карьера Артуро Уи» Б. Брехта), молодой Холстомер («Холстомер. История лошади» Л. Толстого), Маяковский в одноименном спектакле, Тихон («Гроза» А. Островского), Кудимов («Старший сын» А. Вампилова), Петя Трофимов («Вишневый сад» А. Чехова).

Одна из безусловных удач Иванэ – моноспектакль «Я – Николай Гумилев!», уже пред-

ставленный – и с огромным успехом! – на нескольких международных театральных фестивалях, в том числе, «Solo» в Москве и «Встречи в России» в Санкт-Петербурге. Вот как отзывались строгие российские зрители о работе артиста: «Все время казалось, что и сам Гумилев каким-то образом вот-вот обозначит свое присутствие на сцене. И он, конечно, присутствовал! Особенно в стихах, которые блестяще и с упоением читал Иванэ Курасбедиани. Читал без тени грузинского акцента, читал с таким блеском в глазах, что я почти не сомневалась, что сам Гумилев читал эти строки вместе с ним! Во время «Трамвая» мороз бежал по коже и кружилась голова, хотелось вскочить и выкрикивать, выкрикивать эти слова вместе с ним! Весь зрительный зал в абсолютной тишине в каком-то едином порыве двигался вслед за героем, чтобы увидеть, куда он упал, или рассмотреть, как

он моет руки, берет чайник и пр. Зал был загипнотизирован Иванэ Курасбедиани, словно змея факиром, с первой же секунды его появления на сцене... Bravo! Этот спектакль из тех, которые можно смотреть раз десять» (Ольга Сорокина, театральный блогер); «Главную роль исполняет молодой талантливый актер Иванэ Курасбедиани, который своей бесподобной игрой погружает зрителя в поэтическую фантазию. В зале не было ни звука. Ощущение, что все застыли и не дышали, настолько были вовлечены в процесс игры» (Е. Барабанова, театральный критик); «Иванэ Курасбедиани – яркий, в меру нужного эмоциональный, глубоко чувствующий поэтический слог артист! Но мои дифирамбы в адрес Иванэ на этом не закончатся, ибо я не могу не отметить блестящую, чистую, внятную, четкую русскую сценическую речь в исполнении моего ровесника (чуть за 30)! Такой речи я от многих московских молодых артистов давно не слышала» (А. Авдеева). Такое признание, действительно, дорогого стоит.

Сейчас он, для кого родным языком является грузинский, играет на безупречном русском. Не имея за плечами хорошей школы, он неустанно трудился и все наверстал. «Все мои амбиции сошли на нет после окончания института. Тогда я посмотрел в глаза реальности, и понял, что нужно постоянно работать над собой. На сегодняшний день театр Грибоедова для меня – главное. Я не могу назвать это местом работы. Это гораздо больше», – признается Иванэ. Сегодня он – совершенно заслуженно – один из ведущих актеров театра. Ближайшая премьера артиста – главная роль в спектакле «Калина красная» по повести В. Шукшина, и мы желаем ему удачи!

Поздравляем Иванэ с 35-летием! Здоровья и благоденствия, успехов и вдохновения!

Наталья Кобахидзе

ВЗЯТЬ НА КАРАНДАШ

Наталью Кобахидзе почти невозможно увидеть без карандаша. Представьте себе: вы мирно беседуете, пьете чай, и вдруг каким-то непонятным образом перед ней оказывается лист бумаги, и на нем, как подарки из мешка Деда Мороза, один за другим появляются шаржи, зарисовки декораций, эскизы костюмов – да мало ли! Она рисует, как видит, и видит, как рисует. Глаз ее зорек, рука точна, поэтому ее шаржи бьют прямо в «десятку», а эскизы – безукоризненны.

Наталья окончила Тбилисскую Академию художеств и целевую аспирантуру в Москве. А в 1987 году резко изменила свою жизнь. Профессиональный промышленный график, она пришла служить в театр им. А.С. Грибоедова – заведовать костюмерным цехом.

Наталья всегда остается художником (как известно, бывших художников не бывает), в Грибоедовском и Свободном театрах идут спектакли, костюмы к которым созданы именно ею – это «Зимняя сказка» У. Шекспира, «Золушка» Е. Шварца, «Гроза» А. Островского, «Боже, храни нас и людей» М. Ладо, «Кавказский меловой круг» Б. Брехта, «Ричард III» и многие другие.

Свой творческий дар Наталья передала дочери, и сегодня Манана Кобахидзе – не только один из самых интересных графиков Грузии, но и сценограф нескольких спектаклей в Театре Грибоедова. Династия!

Поздравляем Наталью Кобахидзе с круглой датой и желаем здоровья и процветания!

Костюмы от Натальи Кобахидзе

Мураз Мурванидзе

ШИФР КАРДИО-ГРАММЫ ВЫСОКОГО ТВОРЧЕСТВА

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Его назвали человеком, открывшим третье тысячелетие. Телекомпании Франции, США и России отсняли репортажи о том, как Мураз Мурванидзе встретил миллениум, осуществив творческую задумку, достойную барона Мюнхгаузена. Один из самых известных в мире театральных художников в канун 2 000 года прилетел в Париж с макетом Ноева ковчега. Ковчег был спущен ненадолго в Сену, а затем Мурванидзе в сопровождении друзей и репортеров на двух машинах устремился в Верхнюю Нормандию. Ехали по обледенелой трассе, во тьме, и вдруг, повинувшись чьей-то незримой воле, тучи раздвинулись, и мощный луч, как на библейских гравюрах

Доре, осветил им путь. В Довиль въехали под колокольный звон вечерней службы и сразу окунулись в закат на пляже, полюбившемся миллионам по фильму «Мужчина и женщина» Лелюша. На гринвичском меридиане, проходящем через Довиль, ковчег, украшенный флагами более ста стран, был спущен в полночь в Ла Манш под пожелания счастливого плавания человечеству в Новом тысячелетии.

10 мая народный художник Грузии, знаменитый сценограф, график, скульптор и просто человек-праздник Мураз Мурванидзе отмечает юбилей. Однако не верится, что ему исполнилось 80 лет, настолько он спортивно выглядит, излучая энергию, искрит-

ся внутренним светом. Согласно его формуле секрета молодости, нельзя делать две вещи – завидовать и смотреть ТВ. Добавим от себя, что еще надо обладать талантом свежего восприятия мира и стремлением жить с интересом.

Вот уже более полувека Теймураз (Мураз – так привычнее звучит его имя) Мурванидзе оформляет балетные, оперные, драматические спектакли на прославленных подмостках планеты, пишет картины, создает скульптуры. В Балетной энциклопедии о нем сказано: «...Мурванидзе сомкнул, обновил и развил традиции грузинского и российского театра... Создавая театр-зрелище, театр-игрище, тяготеет к экспериментам и колоритным решениям, неожиданным концепциям, импровизациям». В течение восьми лет Мурванидзе являлся главным художником – постановщиком Мариинского театра. А также плодотворно работал в странах Европы и в Америке. В Санкт-Петербурге он оформил такие постановки, как «Корсар» и «Витязь в тигровой шкуре» в Мариинском театре (хореография Олега Виноградова), «Мастер и Маргарита» в Театре Бориса Эйфмана. В Большом театре с успехом прошла постановка Бориса Покровского «Хованщины», музыкальным руководителем и дирижером которой был Мстислав Ростропович. Сценографией Мурванидзе были отмечены в Мариинском театре оперы Верди «Дон Карлос» и Доницетти «Лючия ди Ламмермур», (режиссер Давид Доиашвили, музыкальный руководитель Джанандреа Нозеда).

МЕСТО НА ОЛИМПЕ

Балеты прославленного Мариинского театра (в то время Ленинградского им. Кирова) – «Витязь в тигровой шкуре», «Броненосец Потемкин», «Корсар» произвели фурор в Париже, заставив вспомнить о триумфе «Русских сезонов» Дягилева. Отмечалось, что после положительной рецензии в «Фигаро», был растоплен

лед в отношениях между Францией и советской Россией. При чем наибольший успех выпал не на хореографию балетов, а на постановочное оформление спектаклей. «Наутро после премьеры «Корсара» в Париже Мурванидзе проснулся знаменитым художником», – утверждали газеты. А также: «Декорации Т. Мурванидзе поразительными красками и формами господствуют на сцене. В своей иррациональной экстравагантности они столь прекрасны, что стоят выше всех традиционных эстетических понятий». (Жерар Манон. «Котидьен де Пари»). «Как только поднимется занавес – знайте – поразительные декорации Мурванидзе сведут вас с ума». (Изабель Гарнье «Данс Магазин»). Закономерно, что Теймураз Мурванидзе после гастролей был удостоен престижной Международной премии Пикассо за оформление балета «Витязь в тигровой шкуре».

Путь к всемирной известности Т. Мурванидзе ознаменован признанием его «Лучшим художником театрального сезона» в Грузии (1963), во Франции и в Польше (1977), Канаде (1986), США (1989).

– В 32 года вы оформили «Гамлета» в постановке Чабукиани, а после не было сезона без громких премьер. Когда вы сами осознали, что карьера состоялась?

– Поверил в себя, когда понял, что свободен от меркантильности в творчестве. Отказываюсь от предложений, если знаю, что другой художник больше подходит к исполнению данной темы. Ни с кем не соревнуюсь, только с самим собой.

Для «Метрополитен-опера» Мурванидзе адаптировал постановки монументального «Броненосца» и феерического «Корсара». После громкого успеха в Нью-Йорке знаменитый импресарио Линкольн Кирстайн пошутил: «Долгие годы мы вместе с Джорджем Баланчиным ругали архитектора Уоллеса Харрисона, построившего новое здание «Метрополитен», а приехал Мурва-

нидзе и стало понятно, что пенять надо было не на сцену, а только на самих себя».

Мурванидзе приглашали остаться художником-координатором в «Метрополитен-опера» и в Гранд-опера – в Париже это предложение исходило от Рудольфа Нуреева, но маэстро решил вернуться на родину, не прерывая при этом творческого партнерства с выдающимися деятелями искусства Запада. Посетивший парижскую выставку работ Мурванидзе Морис Бежар сказал в одном из интервью: «Мы привыкли к определенному стереотипу, когда приблизительно знаешь, что увидишь в том или ином спектакле. Т. Мурванидзе – для меня исключение. Его «Потемкин», «Витязь» и «Корсар» меня удивили. Они не похожи друг на друга и ни на что по сей день виденное мною. Я восхищен его выставкой, горжусь тем, что у меня есть мой портрет, выполненный Теймуразом. Считаю,

Дом-мастерская Мураза Мурванидзе

что Т. Мурванидзе занимает одно из самых высоких мест на театрально-декорационном Олимпе. Надеюсь, что в ближайшем времени встречу с ним как с соавтором». Нуреев заказал Мурванидзе три постановки, но его смерть не позволила завершить работу, художник успел поставить для великого артиста только «Спящую красавицу».

ВКУС КУРНОЙ ВОДЫ

В последние десятилетия маэстро по большей мере живет в родном Тбилиси, в увитом старой глицинией особняке, выходящим фасадом на Куру. В просторной гостиной дома собраны картины, эскизы театральных костюмов, афиши памятных постановок, таких, как «Игрок», «Хованщина», «Корсар». Внимание привлекают макеты скульптур и пластические работы малой формы. Взмывающий в воздушном потоке Вахтанг Чабукиани. Федерико Феллини, командующий: «Мо-

Эскизы к спектаклям

тор!» с верхней площадки башни, декорированной фрагментами киноплёнки. Георгий Товстоногов, сдерживающий коня, созданного причудливой фантазией из театральных масок и реквизита. Давид на несоразмерно крупных ступнях, как бы получающий силу от самой матушки-земли. Балерины в арабеске, виолончель над головой, «Хареба и Гоги» в продуваемых ветрами ущелий бурках и чохлах. Отдельный угол отведен фотографам с друзьями – личностям выдающимся – в пору писать эссе о творческой элите современности. Эти непарадные снимки передают атмосферу теплоты отношений людей, связанных как дружбой, так и совместной работой. Высвечены в сюрреалистическом пространстве прекрасные лица «Кати и Володи» – Екатерины Максимовой и Владимира Васильева. Смеется Пласидо Доминго. Майя Михайловна Плисецкая нежно прильнула к плечу художника – этот снимок был опубликован в журнале «Вог». Чета Рейганов излучает непротокольный позитив. Оказывается, на встрече Нэнси Рейган предложила: «Рони, позвони в Голливуд, с такой внешностью, как у Мураза, обязательно надо сниматься!». Но Рейган ответил, что он предпочитает видеть Мурванидзе не на экране, а на посту президента России.

Кстати, Мураз после того, как его выгнали в школе из комсомола за карикатуру на Хрущева в

виде поросенка, никогда ни в каких партиях и политических движениях не состоял. Что касается кино, то сыграл всего один раз в фильме «Пловец» 1981 года Ираклия Квирикадзе, где снимался вместе с супругой Макой Махарадзе, ведущей балериной Тбилисского театра оперы и балета им. Палиашвили, дочерью знаменитой актрисы Медеи Чахава и Котэ Махарадзе, сестрой режиссера Темура Чхеидзе. Учитывая такой семейный состав, неудивительно, что дочь Мураза и Маки – Нато Мурванидзе стала известной актрисой театра и кино.

– Вы считаете себя гражданином мира?

– Гражданство у меня грузинское. Я – испивший воды из Куры, этим все сказано. Тбилиси для меня превыше Иерусалима. Главным символом города считаю не «Картлис Деда», а Майдан, где рядом стоят церкви всех конфессий.

Рисует эмблему города, в которой сердце с символами основных религий, одновременно является буквой «Л» в центре слова «Тбилиси».

– Интересно было поработать в разных странах. Но жить предпочитаю в Тбилиси, – продолжает батони Мураз, – еще мог бы жить в Телави или в Батуми. Это моя среда. К сожалению, не владею свободно ни одним иностранным языком, хотя сразу схватываю

произношение и интонации, чем ввожу в заблуждение собеседников. Но приходится общаться через переводчика, что создает трудности, а меня больше всего интересует общение с людьми. Перед тем, как ехать куда-то, всегда углубляюсь в чтение, аккумулирую в себе сведения, как бы влезаю в шкуру исторических персонажей. Поэтому, приехав, скажем, в Барселону, не впадаю в шок от архитектуры Гауди, умудряюсь «подключиться» к ней заранее. Осваиваясь на новом месте, первым делом спрашиваю, какая пенсия у стариков и иду осматривать местные кладбища, потому что в этом и выражается культура народа.

В Грузии не только театрам, но и буквально каждому знакомы его произведения. Мурванидзе – автор масштабных проектов, украшающих город. Новогоднее убранство, превратившее монумент Св. Георгия на площади Свободы в фантастическую елку, вошло в тройку лучших проектов декора мира, парково-развлекательный комплекс «Бомбора» на Мтацминда, завораживает искрящейся фантазией и детей, и взрослых.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

– Из грузинских художников только С. Вирсаладзе и вы стали главными художниками-постановщиками Мариинского театра. Стал ли Санкт-Петербург, где вас назвали последним мирискусником, для вас «своим» городом?

– Бесспорно! В Петербурге мне чрезвычайно интересно работать и легко придумывать самые невероятные проекты. Кроме того, у меня есть питерские корни. В начале века мой дед по материнской линии Нико Гиоргобиани, сын священника из Рачи, поступил в Санкт-Петербургский университет. Он был ярким оратором, принимал активное участие в жизни Грузинского землячества и пел в хоре Мариинского театра, так как обладал красивым бас-баритом. Жил он в богатом доме Тарасовых. Влюбился в одну из дочерей и, «завернув в бурку», укатил с ней

в Грузию. Шутка, конечно, но ее можно продолжить – мой дед, похищая Елену, говорил: «Соглашайся, любимая! Ты же хочешь стать бабушкой главного художника Мариинки!». Кстати, в школе я изучал математику по учебнику деда.

– **Расскажите, пожалуйста, о семейных корнях с отцовской стороны.**

– Мой дед Илья Мурванидзе был родом из Озургети. Он учился на провизора в Харькове, там же познакомился с будущей супругой. Не могу сказать, почему правнучка Соломонэ Леонидзе, министра царя Ираклия II, девушка из рода Абелишвили решила стать дантистом, но знаю только, что молодожены поселилась в Телави, где дед открыли аптеку, а бабушка зубокабинет. Мой отец учился в Тимирязевской академии, был хорошим спортсменом. Он погиб на фронте в Севастополе. Мама ждала его двенадцать лет, потом вышла замуж за прекрасного человека, известного врача, благодаря чему у меня есть два брата.

– **Это правда, что вы подростком убегали из дома?**

– Дважды убегал, чтобы отыскать отца или увидеть его могилу. В первый раз сразу попал в милицию, во второй доехал до Гори. Уже взрослым попал в Севастополь, и надо же, именно в тот момент, когда на Французском кладбище бульдозером равняли захоронения. Кинулся под гусеницы, чтобы остановить погром, но мой порыв ни к чему не привел, считалось, что солдатские могилы находятся в стороне. Удалось только установить, что отец погребен в братской могиле.

СБОРНАЯ МИРА

Артистично изобразив говор старого тифлисца, художник вспоминает слова своего соседа дяди Ашота: «Муразик-джан, настоящий художник должен увидеть и нарисовать две вещи – Арарат и Кремль». Шестилетний мальчик буквально воспринял

совет и изобразил два культурных объекта на одном рисунке. В школе Мураз был заядлым «шаталошником», и с наступлением тепла пропадал на маленьком островке в пойме Куры, где в тени кустов дидубийская шантрапа резалась в карты. Вскоре Мураз завоевал в тамошней среде авторитет, поскольку мастерски делал татуировки. Милиции никак не удавалось накрыть «салон». Спасаясь от облавы, пацаны успевали уплыть с островка на «камерах», течением их уносило аж до Метехи.

Несмотря на всю юношескую вольницу, образование Мураза не было пущено на самотек. Благодаря маме, преподававшей музыку, дом всегда был наполнен пением, игрой на фортепиано, часто в гости приходили известные деятели культуры. Друг деда – Григол Месхи стал первым

тов, но его самолет улетел, и эта потеря не могла компенсировать радости от победы. Он готов был отдать медаль в обмен за свой самолет. Возможно, этот эпизод во многом объясняет характер нашего героя. Ему нравится добиваться результата, не заботясь о наградах. В юности некоторое время он увлекался спортом. Занятия баскетболом шли настолько успешно, что его включили в дублирующий состав гремевшей тогда команды «Динамо».

– Но играть мне не пришлось, спорт не мог заменить все другие интересы. Хотя нравилось получать динамовские талоны и обедать в столовой на углу Плеханова и Пастера, – с улыбкой вспоминает художник и добавляет, – ничего, зато я вошел в другую сборную мира.

«Сборной мира» творцов

Скульптура М. Мурванидзе

наставником Мураза в изостудии Дворца пионеров. На Станции юного техника ему вручили диплом за идею семафорных огней для посадки самолетов в ночное время, позднее выяснилось, что аналогичная система, до которой креативный подросток дошел своим умом, была внедрена американцами на авианосцах. В 12 лет Мураз получил медаль на соревновании юных авиамодели-

мирового уровня образно называют Всемирную ассоциацию музыкального искусства «Три каравеллы» со штаб-квартирой в Монако. В начале века Мураз Мурванидзе являлся главным художником ассоциации, когда ее президентом был Иегуди Менухин, музыкальным руководителем Мстислав Ростропович, главным режиссером Франко Дзеффирелли, а в совет входи-

Коллаж в мастерской Мурванидзе

ли такие корифеи, как Пласидо Доминго, Зубин Мета, Руджеро Раймонди, Георг Шолти, Лорин Мазель, Жорж Претр и другие. Возможности «Трех каравелл» были огромными, для проведения фестивалей, осуществления различных проектов и идей ассоциации предоставлялись самые престижные площадки Старого и Нового света.

– Вы работали с Бежаром, Нуреевым, Алексидзе, Лавровским, Виноградовым, Эйфманом, и этот список можно продолжить. Как удавалось приходиться к единому знаменателю со столь разными хореографами?

– Они делали свою работу, я свою. Ни под чьи вкусы никогда не подстраивался. Работая над оформлением постановки, я отталкиваюсь исключительно от музыки. Мне важно создать свою концепцию действия, придумать трехмерное пространство, в котором лучше прозвучит музыка, отразятся и культурная история, и реальная особенность того места, где разворачивается действие.

ФЕЙЕРВЕРК ДЛЯ МУЗ

Есть такая теория, согласно которой каждый человек соответствует одному из богов греческой мифологии. Мурванидзе

однозначно воплощает черты Диониса, отвечающего за вдохновение, виноделие, театры и веселье.

– Может создаться впечатление, что я уйму времени провожу в дружеских компаниях, застольях. Никто не видит, как во время работы держу себя в ежовых рукавицах. Только я сам знаю, как внутри борются сомнения и уверенность, – говорит маэстро, от природы щедро наделенный юмором и умением виртуозно обыгрывать разные ситуации.

Мурванидзе оформил для Плисецкой роскошную постановку «Шехерезады» Римского-Корсакова в испанском Сантандере. Для финального выхода примы он создал многослойное платье с огромным количеством диодов, ткань буквально полыхала, создавая эффект огня. Но Майя Михайловна боялась надеть «горящее» платье. Она долго сопротивлялась, потом потребовала, чтобы художник сам опробовал свою фантазию. Мурванидзе отнекивался, мол, платье на меня не налезет.

– Майя настаивала. Тогда я нацепил на себя пояс с батарейками и приложил к себе наряд. Как только он вспыхнул огнями, я рухнул на пол. Майя закричала от ужаса. Поняв, что ее разыграли,

ринулась на меня с кулачками! А премьера прошла блестяще. Я задумал, чтобы огромный шлейф платья заполнял сначала всю сцену, а затем перекидывался по специальным шнурам на пространство всего театра, нависая над партером. Зрители орали от восторга.

В том же Palacio de Festivales Сантандера, где задняя часть сцены сплошь стеклянная, а за ней открывает вид на Атлантический океан, Мурванидзе оформил постановку «Отелло» Верди для Пласидо Доминго.

– Доминго завершает свою партию, Отелло гибнет, и по привычной логике, самое время дать занавес, – вспоминает батони Мураз, – Но вместо этого по моему распоряжению открылись огромные стеклянные проемы. В зал ворвался океанский бриз, и на глазах изумленной публики из гавани отчалил в море корабль – такой вот образ пришел мне в голову – корабль Отелло уплывает без своего капитана. Зал взревел от восторга. Доминго, который ничего не знал о сюрпризе с кораблем, сказал, что никогда не слышал таких оваций. После премьеры мы пошли расслабиться в местный пивной бар, где испанские артисты стали соревноваться, кто сделает больше глотков, держа кувшин с вином над ртом. Кувшин пустили по кругу, когда очередь дошла до меня, я потребовал наполнить его до верха и выпил все содержимое до дна. Хозяин, узнав, что победил художник, попросил меня пополнить его коллекцию – расписать одну из бочек в заведении. У него были припасены и кисти, и краски, а традицию расписывать бочки в этом ресторанчике, как оказалось, заложил Пабло Пикассо. Ресторатор заявил, что расписавший бочку может всегда приходить в гости и приводить гостей. К его восторгу на следующий день я пришел вместе с Доминго.

В Риме для презентации сочинений Губайдуллиной Мурванидзе создал космическое

«Светопредставление», во время концерта произошла смена огромного количества картин. «Изобретательности и насыщенности визионерских трюков сценографа позавидовал бы Дэвид Копперфильд», – писали газеты.

– Парижские рабочие сцены пришли в ужас, увидев реkvизит оформления «Потемкина». – «Сцена не выдержит, столько металла!». Но у них глаза на лоб полезли, когда они потрогали «броню» – мощные конструкции оказались «тряпочками и веревочками», – говорит художник.

ВЫСШИЙ ПРИЗ

Приключений Мураза Мурванидзе хватило бы на эскадрон гусар. Байки из его жизни – отдельная тема, в которой трудно отделить правду от фантазий. Например, художник вспоминает, как однажды к нему пришел Сергей Параджанов. Мураз встретил его на пороге дома за чугунной оградой.

– Серж тут же заметил, что я хорошо смотрюсь за решеткой. Я включился в игру, вынес стулья, и мы стали распивать, сидя по разные стороны ограды. Потом к нам присоединился третий, как выяснилось, начальник из учреждения напротив, который спустился к нам, чтобы прекратить безобразие. По его словам, служащие прилипли к окнам и наблюдают за нами. Начальнику вынесли стул, налили стакан. Он оказался нормальным мужиком и сразу забыл, зачем пришел.

В ранней молодости Мураз подрабатывал маляром на стадионе «Динамо». Спустя много лет он встретил одного парня из своей бригады в Петербурге. Тот с достоинством сказал, что владеет автомойкой. «А ты где работаешь, Мураз-джан?». «В Мариинском театре». «Маляром?».

Огромное число забавных эпизодов связывает Мурванидзе с Мстиславом Ростроповичем, готовым всегда на веселье и авантюры. Однажды в Германии друзья так разгулялись, что попали в полицейский участок.

– Дружба со Славой – самый

высокий приз, выше него я ничего в жизни не получал. Мы с ним как-то совпали во взглядах на жизнь. Я не знаю человека более доброго, умного, забавного и юморного, чем Слава. Два года назад 28 марта мне удалось провести выставку в честь его 90-летия в Тбилиси. А 6 января мне сделали операцию на открытом сердце и предписали больничный режим, но я решил, что лучше умру, чем откажусь от своих планов. Поэтому в короткий срок перенес на большие полотна шесть картин на тему «Хованщины», привез из Петербурга свои работы, связанные с Ростроповичем и отметил в Центре им. Дж. Кахидзе день рождения гения.

– Вам знакомы кризисы возраста?

– Нет, внутренне я не замечаю возраста. Детство живет во мне, стареет вместе со мной, но не оставляет. Старые приятели часто говорят мне: «Когда ты, наконец, станешь взрослым?». Что ответить этим менторам? Никогда не позволяю себе поучать других, делать замечания. Мы все разные, и в этом вся суть. Для меня важно быть справедливым. Восстанавливая справедливость, могу вспылить, как истинный гуриец. Но быстро остываю. Умею прощать. Недавно в беседе с Патриархом сказал, что никогда не нарушал заповедей, кроме одной, однако сейчас уже постарел и больше не грешу.

– Наверно, трудно было «не грешить», учитывая, что вы ни много ни мало были эталоном красоты для нескольких поколений тбилисцев – не хочется употреблять ныне популярный термин «секс-символ».

– Да уж, не надо. Никогда не считал себя таковым, ненавижу, когда заводят разговоры о своих любовных победах, это недопустимо. Почему я отказывался от работы в кино? Мне предлагали роли героев. Но я не ощущаю себя героем. Я – клоун, который шутит, когда ему плохо, скрывая свою грусть. Вот хохмить и разыгрывать – это в моем характере.

– Не всякому поэту удается придумать свой тост, а ваш тост: «За кардиограмму Бога!» стал классикой, его цитируют вот уже много лет. Как он появился?

– В детстве я часто жил у бабушки в Телави, тогда моим пространством становилась крепость, территория царской резиденции. По инициативе второго мужа бабушки – Сандро Мамулашвили был открыт музей во дворце Ираклия II. С крепостных стен цитадели открывался вид на панораму отрогов Малого-«Вахтанг Чабукиани»

Кавказа – на 75-километровую линию синих гор, подпирающих лазурь небосвода. Эта плавная линия буквально заморозила меня, через много лет назвал ее «Кардиограммой Бога». К слову, в гостях у Питера Устинова в его шале, я обнаружил альпийскую кардиограмму – нервную, резкую графику острых зубцов, впивающихся в небо. Это был тревожный, дьявольский ритм. А у нас – он божественный. Надо его чувствовать душой, и тогда сердце будет подчиняться ритму, угодному Всевышнему.

ГЕОРГИЙ ЧКОНИЯ

Я, Георгий Романович Чкония – литератор и режиссер. Родился 28 декабря 1962 года в Москве.

В 1979 году окончил 56-ую тбилисскую среднюю школу, а в 1985 – режиссерский факультет Тбилисского театрального института (класс Темура Чхеидзе).

С 16-ти лет работал на телевидении.

Кроме того, в разное время был ночным сторожем, актером на «озвучке», газетным корреспондентом, пограничником, редактором на киностудии.

Лауреат премии им. Нико Николадзе, кавалер Ордена Вахтанга IV.

Член Союза журналистов, Союза писателей и Союза ветеранов Грузии.

Автор четырех стихотворных сборников: «Репетиция смерти», «Своим голосом», «Пишу слова» и «Город».

Стихотворения

В ДЕНЬ ДУРАКА

Не получилось «праздновать себя»...
Но праздновать другое не умея,
Я отказался от всевидящего «я».
Надежду грея,

Забыв про амфибрахий и хорей,
Своим причудам не давая ходу,
Я перестану в немощи своей
Винить погоду.

У немощи, естественно, свой срок,
Но в пару с ней смирения мне не дал
Жестокий и насмешливый мой бог,
Который предал...

Но я смирюсь, ты знаешь, я готов.
Под скулами ты видишь эту впалость?
И кроме слов, проклятых вечных снов,
Что мне осталось?

1.04.16.

БЛОК ЖИВЕТ В МОЕЙ КВАРТИРЕ

Мой маленький, мой неухоженный
На самой верхотуре дом,
Двойной шеренгой книг заложенный
Моей татап, за томом том.

Ах, мама, мы уже немолоды,
А Дом На Крыше – он дитя.
За что его морю я голодом?
Его – «вершину бытия»...

Увы, не блещут умывальники
И пол пятнист, как леопард,
А домовые все охальники...
К тому же, каждый третий – бард.

Они терзают дом аккордами,
Интимом обреченных слов
И с пьяными вещают мордами:
«Мы кролики, у нас любовь!»

Заложенный-перезаложенный,
То Рай Небесный, то содом...
Мой маленький, мой неухоженный
На самой верхотуре дом.

Гордые просинью
крутые мои небеса
унижены осенью –
серая мышь, хрущевка.
Глупо, конечно,
но чувствуешь себя сам
мышью. И бесконечно,
невероятно неловко...
Солнышко

За то, что день хорош и светел,
За дня и ночи кутерьму
За то, что Бог нас искрой метил,
Спасибо вечное ему.

За Моцарта, скупую снежность,
За ложь, за правду, за игру,
Пренебрежение и нежность –
Ты можешь все, смыкая круг.

Спасибо, солнышко, за краски,
За звук, за запах миндаля,
За щедрость, щедрость без опаски,
За «просто так», надежды для...

Что потеряешь, что найдешь?
Мир, как и прежде дик и странен,
Но тот, кто просто благодарен,
Поймет, чего от жизни ждешь...

2013

ЧАС КОРАБЛЮ

песенка

Я с тобой не знаком
И с собой не знаком,
Я родился недавно – весной.
Знанья хитрый закон
За девятым замком
И открыт будет точно не мной...

Все, что было, поверь,
Я не помню теперь
И не слишком об этом скорблю.
Жизни нет без потерь,
Гулко хлопнула дверь –
Делу время и час кораблю...

Вновь забыты зима,
Ветер, холод и тьма –
Бродят соки в стволах и телах...
Я рассеян весьма
Да весна и сама
Вечно путает радость и страх.

И сейчас наплевать,
Что узка мне кровать
И что гол не забил Бензема...
И того будет с нас,
(пусть потом, не сейчас)
Что когда-нибудь снова зима...

2015

Я НЕ ПРОТИВ

Я не против, чтоб меня забыли,
Как осточертевший старый зонт.
Просто между Сциллой и Харибдой плыли,
Но однажды не прорвались в Понт.
Что пройдет,
что взойдет,
занесет,
пронесет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.
Пусть меня забудут – я не против
(Лучше б не при жизни, дал бы Бог).
Утонул в пучине ненадежный плотик,
Я держался за него, как мог...
Что пройдет,
что взойдет,
занесет,
пронесет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.

Отчего поют под утро птицы?
Отчего наш мир таков, каков он есть?
Пусть не повторятся дни, минуты, лица...
Что там дальше? Дальше что – Бог весть.
Что пройдет,
что взойдет,
занесет,
пронесет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.

Я не против, чтоб меня забыли...

06.06.2017

КЛЮЧИ

Нашлась нежданно давняя потеря,
Казалось невозвратные ключи.
Они от недоступной ныне двери –
«О, море в Гаграх», помни и молчи...

Забылись стародавние желанья,
Теряют резкость видео и звук,
И тает в мыслях цвет воспоминанья
И поезда далекий перестук.

Потеряна давно тетрадка в клетку,
Но навсегда останутся с тобой
Прощанье с летом, бабушка, беседка
И невозможность возвращения домой...

МИР ТАК НЕПРОЧЕН

Мир так непрочен.
Очень.
Когда туман – вода.
А то, что есть – вот эта осень,
Уже не будет никогда...
Вчерашний день прошел и выцвел...
Уж не припомнит Рим почивших Сулл.
Какой небесный математик вывел:
Константинополь - Истамбул?
А глаз твоих зеленых просинь
Запомнит ли небес архив?
Незабываемую мягость простынь?
Эдиповские страсти Фив?
Как выражу, меняясь вечно,
Одновременно стар и нов,
Осознаваемо-беспечно-
Безбожную игру богов.
Мир так непрочен.
Очень.
Когда туман - вода.
А то, что есть – вот эта осень,
Уже не будет больше никогда...

На занятиях

Сохранить доверие к взрослому...

■ Юлия Тужилкина

Что ждет моего ребенка? Каким он вырастет? И чем будет заниматься? Как сделать так, чтобы он нашел свой, индивидуальный, надежный и интересный путь в жизни? Эти и другие вопросы всегда волнуют родителей. Порой им помогают выявить таланты у детей, найти подходы, открыть привязанности и предпочтения кружки, секции и другие учреждения дополнительного образования.

Третий год в Тбилиси работает русский центр «Эльфы». Здесь проводят комплексные занятия с дошколятами. Софья Папиашвили приводит сюда двух из троих своих детей. Одному – шесть лет, младшему – четыре. Их семья русскоязычная, дети ходят в грузинский садик, но мама хочет сохранить и русскую речь. Однако не только за этим мама со своими сыновьями приходит в «Эльфы».

Софья: Средний посещает этот центр уже два с половиной года. У него были проблемы с речью. И он начал лучше разговаривать, начал подходить к детям на улице, сам идет на

контакт. Тянется к сверстникам. Раньше он стеснялся общаться с детьми, а в этом центре легко влился в коллектив. У него здесь появилось много друзей, и он очень любит своего педагога.

Младшему все нравится. Мне в этом центре импонирует индивидуальный подход к детям. Сам урок очень содержательный, малыши за один час узнают много нового, а также из урока в урок идет повторение, что очень важно.

Ребенок – родитель – педагог. Именно такой союз действительно приносит плоды. Так считает и преподаватель центра «Эльфы» Лариса Егорова, она работает здесь с момента основания.

Лариса: Почему мы приглашаем на занятия родителей? Да потому что им тоже не хватает знаний, своеобразной школы заботливых родителей. Малыши у нас занимаются вместе с мамами. Дети все повторяют за мамой. Если она улыбается, и ей здесь нравится, то и ребенку спокойно и комфортно. И

родители деток постарше с удовольствием сидят на занятиях, потому что взрослые порой не знают, как нужно грамотно объяснить самые обычные явления и понятия. И зачастую начинают заниматься самообразованием, а потом учить ребенка неправильно. Впоследствии ребенка приходится переучивать, а это гораздо сложнее, поэтому мамы с удовольствием сидят, слушают и учатся тоже. Да и, если честно, многое забывается с возрастом. Например, самое элементарное, а для всех звучит, как откровение: ворон – это не муж вороны! Ворон – это одна птица, а ворона – другая. Паук – это не насекомое... Такие вещи с возрастом забываются.

Лариса Егорова приехала вместе с младшей дочкой из России, уже четвертый год живет в Тбилиси. Она учитель начальных классов и воспитатель группы продленного дня. Преподавала и в дополнительном, и в дошкольном образовании, в музыкальной школе, в центрах раннего развития. Работает легко, с азартом, с блеском в глазах, по-настоящему влюблена в свое дело. Лариса преподает не какой-то отдельный предмет, у нее комплексно-развивающие занятия для детей дошкольного возраста.

Лариса: В разном возрасте разная направляющая в занятии. Для детей двух-трех лет главное – овладение своим телом, сенсорное развитие, мелкая моторика. Подвигаться, попрыгать – уметь владеть своим телом, в том числе ручками, ножками, они этого еще не умеют. И плюс, конечно же, познавательные занятия: малыши должны узнавать что-то новое.

С детьми постарше, начиная с четырех лет, мы считаем, учим цвета, величины. Узнаем звуки, мы их учимся слышать, слова прохлопываем, не называя, что это слоги: делим их на части. С удовольствием лепим из соленого теста, рисуем карандашами и красками, делаем аппликации.

Программа для занятий разработана мною, и каждый год составляется новый тематический план, в зависимости от группы. За основы берутся все лексические темы, которые не-

Участники детского праздника

обходимо знать детям в определенном возрасте. И по спирали мы расширяем знания в этих темах.

Однажды один папа сказал нам: «Вы учите детей считать? Зачем?» Да. Учим. Очень часто дети умеют считать. Но считают механически, они посчитают все на свете. Но на вопрос: «Сколько?» – не могут ответить. Выучить счет от 1 до 10 – этого мало. Здесь должно быть усвоено сразу три понятия – количество, число и цифра. И это должно сложиться в голове воедино.

Корр.: Что самое главное в вашей работе?

Лариса: Маленьких детей очень легко обидеть... Очень хочу в их душе сохранить доверие к взрослому. И дети укрепятся, зная, что рядом взрослый человек. Самое страшное – это отдать своего ребенка человеку, который не умеет дарить добро и тепло. И я рекомендую всем взрослым, родителям – выбирать не школу престижную, а выбирать человека, педагога. Чтобы ладошку ребенка вложить в руку доброго человека, который не обидит, не оскорбит, не унизит, чтобы ребенок не закрылся, а рос уверенным в себе. Не боялся наказания за свои слова и мысли. А то мы сначала учим ходить и говорить, а потом сидеть и молчать.

В центр «Эльфы» приводят детей из армянских, украинских, грузинских и русских семей, где хотят сохранить или улучшить разговорную русскую речь. Лариса не видит разницы

в преподавании в России и Грузии. Говорит, что дети – это лакмусовая бумажка, которая чувствует добро. Вне зависимости от страны или нации.

Лариса: *Самое главное – подготовить так называемую грядку, чтобы потом школа, которая сеет семена знаний, получила хорошие всходы. В дополнение ко всему мы учим детей концентрировать внимание, развиваем фонематический слух... Не главное научить ребенка читать, главное – чтобы он был готов к обучению в школе и смог взять то, что дают им педагоги.*

Русский центр «Эльфы» открылся по инициативе Натальи Пестовой. Наталья с мужем и тремя детьми приехала из России около четырех лет назад. На тот момент средней дочери было три года, младшей – меньше года. Средняя дочка пошла в грузинский детский сад, но уже тогда Наталья задумалась о серьезной подготовке к школе. Наталья познакомилась с Майей Тутарашвили, у которой уже была сеть филиалов «Эльпы». Майя некоторое время жила в Германии, и сейчас ездит туда на повышение квалификации, привносит лучшее из дополнительного европейского образования в свои грузинские детские сады. Сейчас у нее открыто уже четыре филиала.

Наталья: *Майя была на тот момент единственным человеком, директором детского сада, который понимал понятие «адаптация». Наши взгляды со-*

впадали. Майя вникла в мою проблему, особенности моего ребенка. В процессе общения мы решили создать русскоязычный центр, чтобы русские дети не забывали свой родной язык. Средняя дочка Соня пошла в грузинский детский сад «Эльпы», выучила грузинский, посещала наш центр, а в этом году мы пошли в первый класс грузинской школы. Я очень довольна, так как переживала за знание языка, дочка поздно заговорила и всего год ходила в детский сад: происходило совмещение языков. Сейчас Соня в пятерке лучших в классе. Я очень благодарна воспитателям и Майе, что русскоязычный ребенок без проблем влился в грузиноязычную среду.

На своем опыте Наталья поняла необходимость и оценила результаты работы центра для дошкольников. Сейчас она менеджер русскоязычного филиала «Эльфы», его душа, главный идеолог и организатор.

Наталья: *Мы специально не переходим на узкую направленность, а остановились именно на комплексной программе. Такой подход дает возможность взрослому определить, к чему его ребенок стремится. Мы хотим дать возможность родителям увидеть и оценить детский потенциал. И позже выбрать то направление, в котором ребенок сможет раскрыться, реализовать себя. Например, есть дети, которые обожают рисовать, и это видно на занятии. И мамы уже знают, что дополнительно поведут их на рисование, будут развивать эту сторону. У нас есть и другого рода помощь взрослым. В каждом занятии присутствует логопедический блок. И родители уже сами видят, слышат и понимают, когда и кому нужна консультация логопеда, и на что обратить внимание. А еще у нас есть домашнее задание, чтобы родители с детьми отработывали те знания, что получили здесь. Повторение и закрепление очень важны при работе с детьми.*

Корр.: С какими проблемами вы столкнулись в самом начале работы?

Наталья: *У нас открылось все быстро и спонтанно. Поддержала идею Майя, нашли*

Майя Тутарашвили

Лару. Однако были проблемы с дидактическими материалами на русском языке. С любым раздаточным, развивающим материалом, игровыми пособиями. В общем испытывали затруднения с материально-технической базой. Получилось так, что нужно было готовить многое самим. Мы так и делали. Сейчас стало легче, что-то можно купить в Тбилиси, что-то из России возим и из интернет-магазинов заказываем. А первое время было сложно.

Наталья гордится тем, что у них в центре индивидуальный подход к каждому ребенку, что идет осмысленная и продуктивная образовательная работа с родителями. В прошлом году был первый выпуск детей, которые сейчас учатся в первом классе на русском и грузинском секторах. И результат оправдывает затраченные силы – знания, полученные в центре, помогают первоклашкам в учебе.

Наталья: Занятия Лары продуманы до мелочей. У нее есть всегда что-то интересное и нестандартное. На первый взгляд, она преподает детям элементарное. Однако родители при игре со своим ребенком порой не обращают на это внимания, потому что считают, что малыш уже знаком с этими понятиями или явлениями. Но это, как показывает наш опыт, не совсем так. У взрослого жизненный опыт

богат, что-то у него находится в подсознании... А ребенка нужно с этим знакомить. Постепенно, ненавязчиво и грамотно.

Лариса: Вот простой пример про развитие фонематического слуха. Мы с детьми стояли в носочках на массажных ковриках и играли со звуком [н]. Дети передавали бубен под музыку. Как только она умолкала, каждый выбирал карточку с картинкой... Ребенок должен был назвать предмет, изображенный на картинке. И произнести это слово так, чтобы четко выделить «носовой» звук.

Дети выбрали все, оставив картинку с наперстком. Я знала, что она останется последней. Малыши не знали этого понятия. Угадывали, что же это такое. Называли разное: и ведерочки, и шапочки. Читающая девочка прочитала слово. А я им уже объяснила значение и происхождение: на Руси было слово «перст» – палец. Я могла не брать это слово, оно незнакомое, но я хочу побольше дать им таких слов, значений и понятий. Так формируется словарный запас.

Наталья: Были и смешные случаи. К примеру, в самом начале нашей работы однажды у малышей не смогли отобрать дидактический материал... потому что они его съели! Это были изделия из соленого теста.

Лариса: Мне надо было объяснить полуторагодовалым детям, что собачку надо кормить косточкой. А котенок любит сушки. Все это лепила из соленого теста, подсушивала, и получался наглядный материал. Отнять было невозможно. Они вырывали друг у друга. Им это надо было попробовать. Все на язык! Самый главный первый орган, которым дети познают. Теперь это повторяет из года в год...

Наталья Пестова – человек энергичный и увлекающийся, она не стоит на месте и постоянно фонтанирует новыми идеями и проектами. Совсем недавно она стала развивать еще одно направление, которое, можно сказать, отпочковалось от об-

Лариса Егорова

Наталья Пестова

разовательного центра. Новый центр «Теремок» занимается организацией праздников, квестов, мастер-классов, выпускных вечеров и дней рождения.

Наталья: Первая новогодняя елка была для детей центра «Эльфы». И по городу пошла информация, что у нас проводится «Елка» на русском языке. И елка настоящая, как в нашем детстве! Наши ученики пришли со своими знакомыми, потом уже многие в соцсетях увидели фотографии и восторженные отзывы. На следующий год все готовилось уже масштабнее, а в этом году столкнулись с тем, что за два дня продали более шестидесяти билетов, и просто физически не могли принять всех желающих. Дело в том, что маленькое и уютное помещение игровой группы не рассчитано для проведения таких массовых мероприятий, и нам не удалось бы принять и разместить всех желающих. Мы добавили еще несколько представлений и арендовали другой зал на ул. Горгасали, где сейчас находится «Теремок», и провели два новогодних праздника уже там. Первый день рождения мы организовали для той семьи, которая побывала на нашем новогоднем празднике в прошлом году. Родители были в восторге, словно окунулись в детство. Сейчас мы проводим тематические дни рождения, все делаем с душой. Шаблонов у нас нет. Пятилетнему ребенку мы отмечали день рождения в Простоквашино с котом Матроскиным, но у ребенка любимый герой Лео (из мультфильма «Лео и Тиг»). Так мы обыграли: Лео прислал посылку в Простоквашино с подарком. Все это индивидуально и кропотливо прорабатывается, учитывая пожелания родителей и ребенка. И конечно, ориентируемся на возраст. Для двухлетнего ребенка это одни игры и забавы, для пятилетнего – другие. Мальчишкам нравится одно, девочкам – другое, у нас нет единого сценария, на каждый праздник готовится что-то новое. Отмечаем открытие и завершение учебного года. Привлекаем родителей к организации и проведению праздников, что им очень нравится. Мы ориентированы на

Вместе отмечаем день рождения

спрос, растем вместе с детьми. Мы всегда открыты к диалогу. Сценарии пишем сами, сами же играем, переодеваемся и перевоплощаемся в мультяшных или литературных героев.

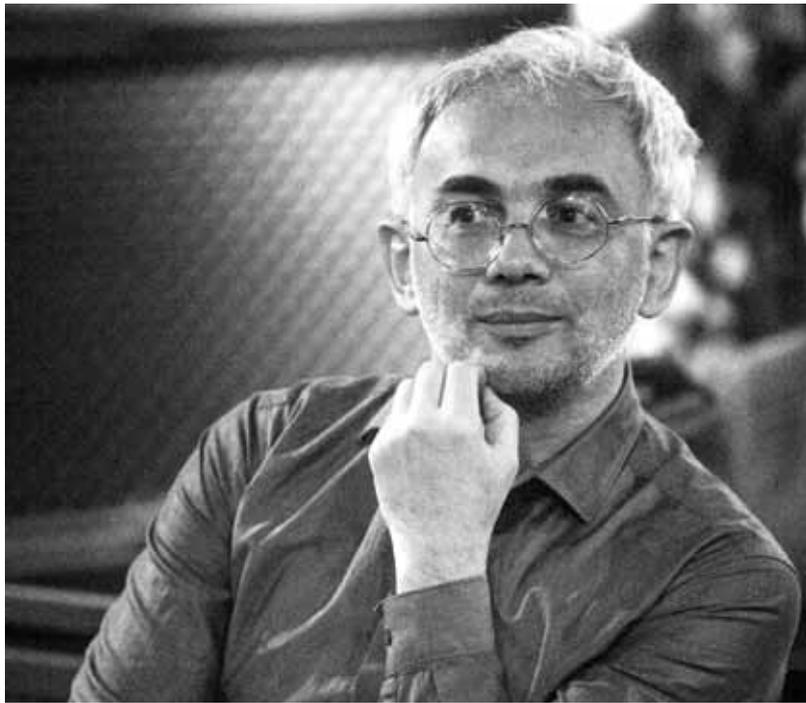
Наталья и Лариса подчеркнули, что период адаптации в новой стране прошел незаметно, им многое нравится в Грузии.

Наталья: Мне здесь комфортно. И если мой муж, может, подумывает о возвращении в Россию, то у меня таких мыслей не возникает. Что бы ни происходило, какие бы неурядицы не случились. Я нашла свое место. В первую очередь, здесь очень гостеприимные и добрые люди, тут прекрасно уживаются вместе многие национальности. В общественных местах, видя меня, все начинают говорить на русском. Они же не обязаны знать этот язык. Мы четыре года здесь, пытаемся выучить грузинский, ходили на языковые курсы. Но это оказалось очень сложно. Сейчас, когда уже можешь выстроить на грузинском какую-то фразу тебе обязательно ответят на русском. Теплый народ грузины. И очень нравится отношение к детям. Им могут подарить фрукты или еще что-то совершенно чужие люди. Мои дети слышат комплименты от посторонних несколько раз

за день. Пока зайдешь в пару магазинов, везде поглядят по голове, поговорят, спросят что-то. Дети заласканы чужим вниманием. От этого повышается самооценка, это очень важно.

Лариса: Когда я первый раз сюда приехала, подумала, что вернулась лет на двадцать назад. Словно оказалась в прошлом, там, где нам было уютно и хорошо. Дети бегают во дворе. Взрослые вечерами играют в шашки и шахматы, тут же поют песни на грузинском и на русском. Здесь безопасно растить и воспитывать детей.

Как правило, педагоги очень чутко реагируют на внешнюю среду. И потому Наталья и Лариса легко называют плюсы общепринятого воспитания детей в Грузии: это добро и любовь, уважение к старшим и вера в традиции. Русскоязычный Центр раннего развития детей «Эльфы» востребован и любим детьми и родителями. Здесь собраны и активно применяются различные методики преподавания. Занятия включают не только интеллектуальное, но и эмоциональное, физическое и социальное развитие ребенка, что способствует воспитанию гармоничной и полноценной личности.

Тамерлан ТАДТАЕВ (1966 г.) окончил Душанбинское художественное училище имени Олимова. Учился во ВГИКе на сценарном факультете. Участник совещаний молодых писателей Северного Кавказа и форумов молодых писателей России фонда СЭИП (С.А. Филатова). Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», «Дружба народов», «Нева», «Ковчег», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Юность», газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», альманахе «Искусство войны», на интернет-сайтах.

Член Союза писателей Москвы. Автор книг: «Сын», «Отступник», «Судный день», «Полиэтиленовый город». «Иди сюда, парень!». Автор сценариев игровых короткометражных фильмов: «Суадон» (участник 68-го Каннского кинофестиваля в разделе Short Film Corner), «Горячее молоко». Награжден Золотым почетным знаком «Общественное признание». Лауреат «Русской премии». Стипендиат Фонда СЭИП. Премия журнала «Нева» «За лучшую публикацию года».

ДЖИНСЫ ОТ АБРАМА

■ Тамерлан ТАДТАЕВ

К весне мясо заколотой на Новый год свиньи закончилось, картошку уже не на чем было жарить, и мать в воскресенье решила сходить на Большой базар купить каких-нибудь продуктов. Детки, что вам принести, спросила она, вертясь перед зеркалом желтого шифоньера со скрипучей дверью. Сестра валялась на кровати с книгой, на мгновение она вскинула голову, отодвинула за уши свои иссиня-черные волосы и, промяукав: цади хочу, снова погру-

зилась в чтение.

Да уж, губа у нее не дура, но, чтобы испечь цади, нужна кукурузная мука, хороший желтый сыр, желативно из Цона, сметана или мацони, плюс растопить дровяную печку во дворе в общем, целое дело. Мелкий, отшвырнув свою игрушечную машинку, запрыгал перед мамой: конфет соколадных хацу, есе цурцхелу и халву! Конечно, сынок, для тебя все что угодно, поди сюда к мамочке, чмок,

мой сладкий, еще разочек, ну все, с тебя хватит, теперь играй себе! А тебе что купить, Таме? Я тяжело вздохнул и, опустив голову, выдал из себя несколько слез:

– Ты сама знаешь, что-джинсы...

– Нет, он с ума меня сведет! – мама театрально схватилась за голову. – Мы с голоду пухнем, а ему джинсы подавай!

– Мои друзья все во вранглерях да монтанах засекают, Бесе и то купили гэдээровские, а я хожу в этих дурацких советских!

– У меня тоже нет джинсов, – сказала сестра. – И как видишь, не ною, а я, между прочим, старше тебя на три года. И вообще, ты мешаешь мне готовиться к выпускному экзамену, debil!

– Неправда, у тебя есть белая джинсовая мини-юбка! И не стыдно тебе задницу свою на улице показывать?

– Заткнись, дурак! – Сестра соскочила с кровати, проворно точно кошка, и хлопнула меня по башке толстым учебником, но я даже не пошатнулся, мои кривые борцовские ноги и не такое выдерживали. Ну вот, сама напросилась: я кинул ее через бедро. Сестрица полетела обратно в свою кроватку, я навалился сверху и, забавы ради, стал ее душить, хоть она кусалась и царапалась как бешеная. Мать оттащила меня от нее и уже покорно, смирившись, спросила:

– Сколько стоят эти проклятые джинсы?

– Луба дала мне двадцатку! – праздновать победу было еще рано, и я был осторожен, будто вышел в финал и рубился с соперником за первое место: – Если ты подкинешь тридцатку, Абрам за полтинник обещал достать фирменные джинсы...

– Что еще за Абрам? – настояжилась родительница.

– Еврей, у которого Беса купил свои гэдээровские.

Мама попросила меня выйти из комнаты, чтоб я не пронюхал, где она хранит деньги. Наивная, я уже нашел тайник: в шифо-

ньере на верхней полке между семейным альбомом и домашней книгой, — откуда, собственно, и стащил эти самые двадцать рублей.

Насчет тетки я, конечно, солгал, она сейчас в Цоне, преподает там физику в школе и давно не появлялась на своей половине. Дом наш поделен на две равные части, в одной живем мы, в другой обитает тетя Луба. По правде говоря, я не понимаю, чему она может научить детей? Наверное, лупит своих учеников указкой или мелом в них швыряет. Обычное дело, она даже со своей родной сестрой, моей мамой, не может ужиться. В последний раз она приезжала на зимние каникулы и закатила такой скандал, что у отца побелели усы, а пальцы к утру стали восковые от табака — столько он выкурил за ночь сигарет.

Однако все по порядку. Лубе в первый же вечер своего пребывания в городе стало скучно на своей половине, и она постучалась к нам с мешком дикого фундука, двумя головками желтого сыра, топленым маслом и еще какими-то гостинцами. С пустыми руками она никогда бы не приперлась, но за подарки мы платили дорого. Мать открыла дверь, и мы, три ее племянника, в восторге налетели на Лубу, затащили в дом и давай обнимать-целовать. Я чувствовал, что веселье скоро закончится, и заранее набивал карманы вкусными орешками. Впрочем, вел себя я осторожно, чтобы она не подумала, будто не рад ей. Я ведь еще червонец отработывал, который она при входе тайком сунула мне в карман. Я уже и на пальцах ног перед ней прошелся, и на руках попрыгал, сделал сальто на месте, на мостик встал — для меня, впрочем, такие упражнения сущие пустяки, как-никак с четвертого класса занимаюсь борьбой.

Но тетке невозможно угодить, она найдет к чему придраться, и вот уже стул летит в

сторону, она вскакивает, будто ей зад кто скипидаром мазнул. И ведь не поймешь, что ее больше разозлило: то ли отец часто выходил покурить и трепался во дворе с соседом, с которым резал свинью, то ли шашлык на ее тарелке оказался слишком жирный. Луба открыла златозубую пасть, и страшные проклятия попеременно с матом обрушились на мою бедную матушку. Но на этот раз Луба получила достойный и справедливый, на мой взгляд, отпор. Мать, подбоченившись, грозно подступила к своей старшей сестре и зарычала: ага, зачесалось, мужика хочешь? Только моего ты не получишь, ну-ка выметайся отсюда, и чтоб ноги твоей в моем доме не было! Луба прыг к раскаленной буржуйке, хват с пола кочергу и, размахивая ей как саблей, рванула к двери, возле которой отец молча завязывал шнурки на ботинках. Папа, огромный, под два метра, забился в угол, освободив проход, и тетка вылетела во двор. Мать швырнула ей вдогонку теплые, на цигейке сапоги, шубу и полмешка дикого фундука. Сыр из высокогорного села она решила оставить, потому что уже пообещала испечь пироги.

За стеной захлопали двери, загремела посуда: Луба никак не могла успокоиться и носилась на своей половине как ведьма на шабаше, выла как стая волков, но мы уже привыкли к ее буйному нраву. Я спокойно колл орешки, у меня от них уже температура поднялась. Мать села вязать носки. Отец, облокотившись о подоконник, курил крепкие, без фильтра сигареты. В полночь он дал отбой, и мы потихоньку стали перебираться в нагретую электрической плитой спальню с окнами на улицу. Я прыгнул в свою кровать и пытался согреть ледяное одеяло, в которое закутался с головой, и тут — бац — зазвенели разбитые стекла, я подскочил в своей постели. Включился свет, за окном бесновалась Луба, а по полу катился камень...

— Ну давай иди и не оборачивайся. — Мама ждет, пока я не исчезну за дверью.

Гордый, как чемпион, одолевший своего давнего соперника, я качу через комнату и по дороге спотыкаюсь о мелкого. Обычно шумный, он притих, и я чуть не раздавил его, а он, оказывается, перевернул на спину большого черного жука, должно быть вылезшего из щели в полу, и тычет пальцем в брюхо. Меня уже кусала такая дрянь — я наступаю на жука, и он хрустит под моей тапкой. Раздается рев, я поднимаю с пола братишку, обнимаю его, такого родного, целую пухлые мокрые щеки и шепчу: не плачь, я принесу тебе много чурчхел, только обещаю не водиться с жуками, держись от них подальше, малыш.

В еврейском квартале по воскресеньям настоящая толчея, бабульки и дедули из близлежащих сел приезжают сюда и раскладывают свои товары прямо на дороге, и надо быть осторожным, чтоб не наступить на пирамидки яблок, айвы или связанную ошалевшую курицу. Большой базар и примыкающий к нему скотный рынок чуть дальше отсюда, но до слуха доносятся крики поросят, мычание коров, телят, блеяние коз, овец. Под высокими ветхими балконами древних, как Библия, домов на козырных местах стоят лавки обитающих тут евреев. Я дергаю маму за рукав плаща и показываю на высокого худого человека: вон он, Абрам! Продираюсь вперед и вижу на лавке перед ним настоящие джинсы, правда, протертые до дыр. Но это не смущает меня, главное, чтоб размер подошел. Мать подходит, брезгливо смотрит на штаны и говорит:

— Даже не думай...

— Мама, пожалуйста, давай купим, потом требуй с меня что хочешь, я все сделаю!

— И ты наденешь такую рвань? Да я тебя домой не пущу в них!

— Твой размер, бичо, — подмигивает Абрам. — В Америке в таких ходят хиппи, так что бери,

пока не увели.

Я беру в руки джинсы, прикидываю:

– Точно мой размер! Сколько?

– Сто рублей, – говорит Абрам.

Я кладу брюки на лавку:

– Они же старые!

– Сколько дашь?

Я хочу сказать «полтинник», но мама исчезла, а искать ее в толпе было бесполезно, поэтому я предлагаю двадцатку.

– Ты чего, бичо, это настоящие американские джинсы! – обижается Абрам. – Меньше чем за пятьдесят не отдам, так что думай.

Меня трясет от возбуждения. Можно, конечно, попросить Абрама отложить джинсы на полчаса, я бы сбегал домой и спер недостающую тридцатку. Но к нему подваливает тип в кепке-аэродроме и, показав на штаны, спрашивает сколько.

– Тебе за сто, – говорит доверчиво Абрам. – Слушай, бичо, в Америке хиппи такие носят, но пока сюда эта мода не пришла и вряд ли придет. Ты для кого хочешь?

– Для дочки.

– В каком классе она учится?

– В восьмом.

– Для дочки за полцены отдам. Бичо, откуда ты такой продвинутый?

– Из Цона. Сбавь еще.

– Куда еще? Это же настоящие американские джинсы! Твоя дочка благодарить тебя будет, сам увидишь.

Они торгуются, и Абрам предлагает джинсы типу в кепке за двадцать пять рублей, добавив от себя жевательную резинку...

Через неделю после торгов в еврейском квартале я встретился с Бесой у кинотеатра «Чермен». Он был в стертых драных джинсах, стрелял мелочь у знакомых на билеты в кино, поминутно поглядывая на наручные часы. Ко мне он тоже подвалил и попросил выручить. Я попенял ему на то, что он испортил свои гэдээровские штаны. Ты дурак и деревенщина, сказал

Беса раздраженно, в Америке на всех хиппи такие джинсы, но пока сюда эта мода не пришла и вряд ли придет. Я дал другу рубль, тот подобрел и разговорился: оказывается, он ждал свою девчонку Кристину. Отец у нее дипломат, в Штатах быва-

ет, привез ей оттуда настоящие хипповские джинсы, а вот и она. Я взглянул на девушку, к которой побежал Беса: на ней были те самые джинсы, от Абрама. Беса взял за руку свою леди, и они оба в драных штанах направились в кинотеатр...

ПРОДАВЕЦ АРОН

Болтал я недавно с мамой по телефону и спросил про продавца Арона – мне было интересно, помнит ли она его. Еще бы, как можно забыть такого человека, Арон остался в ее памяти как самый честный продавец, а продуктовый магазин, где он работал, до сих пор называют магазином Арона...

– Мама, а ты не помнишь, в каком году Арон уехал в Израиль?

Нет, точной даты родительница не могла сказать, но он свалил еще при Брежнев.

– А каким был Арон?

– О! – восторг на другом конце провода. – В нашем районе он пользовался чрезвычайной популярностью, народ любил его за порядочность и честность, и если у человека не было денег на хлеб насущный, Арон входил в положение и давал продукты в долг. Я сама пользовалась таким кредитом, потому что отец твой уезжал на заработки в Россию, а моей зарплаты хватало на неделю, максимум на две...

Я все прекрасно помню: теснились мы во времянке, случалось, голодали, в моих волосах водились вши, и мама вычесывала маленьких гнид и давила ногтями. И все же халва тогда казалась необыкновенно вкусной, она была желтая, как червонное золото; гаванская сигара стоила рубль, а на двадцать копеек можно было купить столько слипшихся фиников, что я наедался и еще оставалось.

Как-то я побежал в магазин Арона за хлебом. Впереди, колыхаясь, шла тетя Ламара. И тут динь – к моим пыльным китайским кедам со звоном под-

катилось кольцо. Я остановился, подобрал желтую кругляшку, пухлую, как сама тетя Ламара, и хотел отдать ей, но та, ничего не заметив, плыла дальше. Сердце мое забилося, словно я собирался переплыть весной Лиахву: я уже скинул одежду, вошел по пояс в разлившуюся буйную реку, камни под ногами скользкие, острые, волны, в которые бросаюсь, огромные, страшные – ничего, если меня отнесет чуть дальше, главное плыть наискосок, и тогда я выберусь на противоположный берег...

Словом, я решил оставить кольцо себе, если оно из золота, – фальшивку верну, хотя тетя Ламара вряд ли будет носить бижутерию. Валико, ее муж, сидя на хлебном месте, отгрохал дом из белого кирпича с балконом и лестницей из мрамора. Детей у них не было, и непонятно, для кого они строили такие хоромы. Соседи еще судачили, будто Валико купил большую квартиру в центре Тбилиси. Так что без одного кольца Ламара не обеднеет, может, даже не заметит пропажи. В любом случае золото надо спрятать, никому ничего не говорить, даже родной маме, хотя бы ближайšie два года. К тому времени Валико наврует еще и купит жене обручалку потолще.

Я положил кольцо в карман и пошел дальше не спеша, важно, как господин, и на повороте к школе встретил своего приятеля Кучу. Раньше мы враждовали, я объявил войну этому недомерку, ловил его и колотил – впрочем, мне тоже доставалось. Но со временем мы подружились и вместе бегали покурить в боль-

шой парк. И вдруг Куча исчез, его искали в близлежащих селах, Гори, Тбилиси, водолазы обшарили дно Лиахвы, в Куру, говорят, ныряли, но ничего не нашли. Спустя неделю Куча объявился сам и ходил по городу загадочный, словно граф Монте-Кристо, и если его останавливали ребята постарше и спрашивали, что с ним случилось, тот начинал хныкать и говорить, что его похитили инопланетяне. Разумеется, ему никто не верил, кроме дурачков, но сигаретами угощали или давали деньги на кино. Куча рассказал мне совсем другую историю, только заставил прежде поклясться, что никому не скажу, вот еще глупости, я-то умею хранить секреты. Оказывается, Кучу похитили одетые в черное тетки, они засунули его в черную «Волгу», одна из них поднесла к его носу намоченный какой-то дрянью черный платок, и он вырубился. Очнулся он привязанным к шесту в роскошнейшем зале, в середине был бассейн, в нем плавали красивые женщины в черных купальниках, и они по очереди насиловали его. На этом месте Куча начал рыдать, и мне приходилось покупать ему сигареты, чтоб он заткнулся.

Стало быть, встретился я с Кучей и тут же выболтал ему свою тайну, хорошо еще не успел сказать, чье кольцо. Куча сначала не поверил, и я поднес обручалку к его носу и крикнул: на, гляди! Он взял его и, прищурившись как ювелир, пытался что-то рассмотреть.

– Ну что? – спросил я нетерпеливо.

Куча отмахнулся от меня:

– Не мешай, я пробу ищу... Офигеть, три девятки!

– Это плохо?

Я был всего лишь шестиклассник и не разбирался в золоте, да и предки мои не носили обручальных колец, говорю же, мы были бедные. И вдруг такое богатство! На нашей улице у всех были каменные дома, только мы жили во временке, и хотя родители делали вид, будто им плевать, что о них говорят соседи,

но я тяжело переносил насмешливые взгляды окружающих. Я чувствовал себя ущербным и от этого стал агрессивным. Ростом я был маленький, на вид дохлый, но при всем том прирожденный борец и без особого труда клал своих сверстников на лопатки. Ребятам постарше, которые дразнили меня, я отлавливал поодиночке, внезапно бросался и своими костлявыми кулачками начинал бить обидчика по морде. Впрочем, я мог поставить фингал насмешнику и в людном месте, за что обычно получал славную взбучку, но в конце концов меня оставили в покое...

– Это супер! – Куча нехотя вернул кольцо, я спрятал его в карман, поглубже от его алчного сверкающего взгляда, который потух так же внезапно, как и вспыхнул. – Хотя не уверен, слишком оно желтое, как будто его слепили из халвы.

– Ламара фигню носить не будет! – воскликнул я и осекся.

Куча вытаращился на меня:

– Так ты украл кольцо?

– Да нет же, – мне стало страшно, что Куча сейчас победит и сдаст меня, я решил опередить его. – Знаешь, я отдам кольцо Ламаре!

Куча немного подумал и стал отговаривать: дескать, сейчас мне все равно никто не поверит! В глазах людей ты вор, твое место в колонии малолетних преступников. Он злорадствовал, этот недомерок: будешь на параде с оркестром дуть в дудук.

– Полегче! Опять нарываешься? Сейчас, мать твою, я тебе врежу!

– Не торопись, бичо, – Куча поднял палец, – одно то, что ты не вернул Ламаре кольцо сразу, на месте, уже преступление! Лучше бы ты проник к ним в дом ночью и украл все ее драгоценности.

– Так что же делать?

– Вот что мы с тобой сделаем, Таме: евреи сейчас все сваливают в Израиль и, говорят, скупают золото, вот мы и продадим им кольцо за пятьсот рублей.

– Кто его купит? – спросил я Кучу как можно ироничней.

– Как кто, Арон! Все знают, что он уезжает в Израиль.

– Да ты рехнулся, Арон честный продавец, он в жизни никого не обманул!

– Кто тебе сказал, ты дурак, что ли? – Куча посмотрел на меня как на конченого кретина.

– Все так говорят, сколько раз он давал мне халву просто так и финики.

– Дай-ка сюда кольцо, сейчас мы его продадим Арону, но с одним условием: деньги поделим пополам.

– Ладно, валий.

Мы пришли в магазин к Арону. Покупателей у него не было, и он в своем белом колпаке и фартуке разрезал ножом-струной большой кусок желтого масла. Заметив нас, он улыбнулся. Куча подошел к прилавку и положил на весы кольцо.

– Что это? – спросил Арон, продолжая орудовать стальной удавкой. Он будто на шею мне ее накиннул и душил, я уже перестал бороться, задергался и хрипел.

– Кольцо из червонного золота, – сказал Куча. – Взгляни на пробу, увидишь. Отдам тебе за пятьсот рублей!

– Ламара сегодня потеряла кольцо, – Арон отложил в сторону нож-струну и облокотился о прилавок. – Бегаешь по району, ищешь, а оно у вас. Нехорошо.

– Не знаю, кто такая Ламара, – Куча презрительно скривил губы и протянул руку к весам, чтобы забрать кольцо.

– Дядя Арон, верните тете Ламаре кольцо! – крикнул я. Удавка на шее лопнула, и я задышал. – Пожалуйста!

– Хорошо, швило, – Арон печально улыбнулся. – Думаю, она обрадуется и отблагодарит.

Мы с Кучей вышли из магазина, он в бешенстве швырнул свою школьную папку на землю, попрыгал на ней и, выпустив пар, обозвал меня дураком и велел держаться от него подальше.

Вечером к нам постучалась тетя Ламара, я открыл дверь, она обняла меня, поцеловала и сунула мне в руки пачку вафель за двадцать копеек.

Участники диктанта

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ЛЮБИТ РУССКИЙ ЯЗЫК

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Тринадцатого апреля на 3 939 площадках более 1200 городов 81 страны прошла акция «Тотальный диктант».

Справка:

Тотальный диктант – ежегодная акция для всех желающих, независимо от возраста, национальности, уровня образования и социального статуса. Она показывает, что быть грамотным важно для каждого; что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно; объединяет всех, кто умеет или хочет писать и говорить по-русски.

Первый Тотальный диктант провели в 2004 году студенты гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. За 15 лет акция приобрела всемирный масштаб: ее организует фонд «Тотальный диктант», расположенный в Новосибирске, а воплощают активисты и волонтеры в разных уголках планеты. В 2018 году событие охватило 76 стран, объединив 227 тысяч человек в 1021 городе. Авторами диктан-

та в разное время были Гузель Яхина, Леонид Юзефович, Андрей Усачев, Евгений Водолазкин, Алексей Иванов, Дина Рубина, Захар Прилепин, Дмитрий Быков.

По всему миру акция собрала 236 284 участника, что почти на 9 000 больше, чем в прошлом

Ирма Сохадзе и Елена Галашевская

году. А онлайн-трансляции, которые велись из пяти городов – Владивостока, Новосибирска, Москвы, Таллина и Нью-Йорка, – посмотрели 198 592 человека.

«В России в акции приняли участие 186 150 человек из 889 городов. Больше всего участников собралось в Москве, куда пришли 19 307 человек, чтобы написать диктант Павла Басинского и оценить свою грамотность. В тройку лидеров также вошли Санкт-Петербург и Новосибирск – 11 500 и 7 295 человек соответственно», – рассказала руководитель проекта Ольга Ребковец во время видео-моста, объединившего Москву, Таллин, Тбилиси и Минск.

«С одной стороны, грамотность – важная компетенция человека в современном обществе, некий практический инструмент, которым мы пользуемся каждый день», – подчеркнула она.

С другой стороны, автор текста диктанта этого года Павел Басинский сказал от себя словами Дмитрия Быкова: «Он где-то писал или говорил, что можно симитировать доброго человека, даже интеллигентного человека можно симитировать, а вот грамотного человека – нельзя. Она либо есть, либо ее нет. Ее надо приобретать и учиться этому», – сказал Басинский.

Во время диктанта

желания», – поделилась своими впечатлениями Елизавета.

В Тбилиси Тотальный диктант прошел уже шестой раз. В этом году площадку для проведения акции предоставил мультимедийный пресс-центр «Спутник Грузия».

Народная артистка Грузии Ирма Сохадзе, певица, поэт впервые предстала в качестве диктатора – читала произведение Павла Басинского, которое было написано специально для акции. «Мне было очень приятно и интересно принимать участие в этой акции. Лозунг «Быть грамотным – модно!» должен быть необходим для всех людей», – сказала Ирма Сохадзе. Также Сохадзе отметила, что она окончила грузинскую школу, а «русский язык и литература были моими любимыми предметами, я знала русскую грамматику на уровне грузинской, потому что мне был очень интересен русский язык».

Участники акции получили в подарок пригласительные билеты на спектакль «Маяковский» в театре им. А.С. Грибоедова, а после просмотра их наградили сертификатами и вручили подарки от мультимедийного пресс-центра «Спутник Грузия».

Тест TruD (русский как иностранный) написали в 156 населенных пунктах 49 стран, рекордсменами по городам-участникам стали Россия и Китай – 36 и 15 городов соответственно. В Челябинске в TruD'e приняли участие 375 человек, а во Владивостоке – 362. Всего тест написали 5 020 человек в России и за рубежом. К проекту присоединился Парагвай, ранее не принимавший в нем участия.

О том, как прошел Тотальный диктант – 2019 на рейсах S7 Airlines, рассказала актриса театра и кино, голос и лицо канала

«СТС Love», звездный диктатор Елизавета Арзамасова.

«Для пассажиров это был сюрприз. Я необычайно рада этому опыту, экипаж был подготовлен и всячески помогал с технической точки зрения. А для меня этот полет стал исполнением заветной мечты: 9 лет я играла роль Джульетты, и недавно прошел мой последний спектакль в этом амплуа. Но с 14 лет меня не покидало желание однажды оказаться в Вероне, на балконе Джульетты. Тотальный диктант не только учит грамотно писать, но и исполняет

Нодар Мгалоблишвили

■ Лана ГАРОН

Ушел Нодар Мгалоблишвили... Прекрасный грузинский артист. Тонкий, глубокий, значительный. Огромная невосполнимая потеря! Широкую известность ему принесла роль графа Калиостро в «Формуле любви».

Но я помню его молодым артистом, когда целая группа молодых артистов вместе с режиссером Гигой Лордкипанидзе в 60-х годах прошлого столетия уехала из Тбилиси в промышленный город Рустави, чтобы создать свой театр. Этот театр в чем-то напоминал московский «Современник». В моем дневнике тех лет есть запись, которой мне хочется поделиться. «...Все время вспоминаю театр из Рустави. ...Театр своеобразный и неповторимый. Думаю об актерах, которые делают театр таким, каким он сегодня стал. ...Прелесть театра – его актерский состав, гражданское мужество и социальный темперамент. Среди них – Отар Мегвинетухуцеси, Джемал Мазиашвили, Ираклий Учанеишвили, Иза Гигошвили, Нодар Мгалоблишвили. Очень интересен актер Мгалоблишвили – хрупкий, тоненький (в чем только душа держится?!), с огромными, во все лицо, глазами. Почти бестелесный. Иногда кажется, что кроме глаз у него вообще ничего нет. Актер интеллигентный, именно он, пожалуй, осуществляет в труппе интеллектуальное начало. В спекта-

кле «Через сто лет в березовой роще» он играет Рылеева – чуть нереально, без бытовых и житейских подробностей. В пышном крахмальном жабо он словно сошел с портрета XVIII века. День рождения Джемала пришлось на их гастроли в Москве. Как пели в ту ночь мальчишки! Не пели – творили! Какие глубокие, серьезные и сосредото-

точные были их лица, какая одухотворенность освещала их! Печаль и трагедия, просветление, удадь. И снова глубокая печаль, а вслед за нею снова просветление – вот основные темы их многоголосья. Но обязательно – просветление, или хотя бы просвет – как высшая мудрость, как необходимый оптимизм, как вера в Бога, как неременное условие существования на земле.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Фото Александра Сватикова